

Ольга Трушкова

**ПО ЛАБИРИНТУ
ПАМЯТИ**

Повести и рассказы

Ольга Трушкова

**По лабиринту памяти.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Трушкова О.

По лабиринту памяти. Повести и рассказы / О. Трушкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742645-3

Эта книга о людях, которые живут рядом с нами, но мы не всегда их замечаем. Они не лезут по трупам в политику, не разворачивают государственную казну, не участвуют в криминальных разборках. Ключевое произведение продиктовано автору его неугомонной памятью, которая нет-нет да и поведёт её по лабиринту прожитой жизни... По тем далёким незабываемым семидесятым годам... По тропам молодости...

ISBN 978-5-44-742645-3

© Трушкова О.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
О людях, о себе и о судьбе	7
По лабиринту памяти	8
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	40
Глава 15	44
Глава 16	45
Глава 17	47
Глава 18	50
Глава 19	52
Глава 20	53
Глава 21	55
Часть вторая	58
Глава 1	58
Глава 2	61
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

По лабиринту памяти Повести и рассказы

Ольга Трушкова

© Ольга Трушкова, 2017

ISBN 978-5-4474-2645-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Моему поколению, чья молодость совпала с семидесятью годами
прошлого столетия, посвящается...*

К читателю

О чём я пишу? О жизни и о людях, с которыми она меня сводила. Их было много, и все они разные: хорошие и не очень, добрые и злые, порядочные и подлые. В общем, люди, как люди... Хотя пришлось столкнуться лоб в лоб и с такими, о которых не только писать не хотелось – не хотелось даже вспоминать. Но, тем не менее, главными героями поэмы «Отторжение» я сделала именно их, и именно к ним обращены эти строки:

*Пусть будет им так же на свете на том,
Как мне, по их милости, было на этом!*

Мои герои не занимаются криминальными разборками, не лезут по трупам в политику и не разворовывают государственную казну. А живут они рядом с нами, только мы их не всегда замечаем. Простые, совершенно искренние и безразличные ко всему происходящему предстанут перед вами и баба Маня из цикла рассказов о сельской жизни под общим названием «Совесть моей глубинки», и старый дед Силантий из повести «Не потерять себя». Не оставит вас равнодушными и судьба талантливого паренька, который «навсегда останется в Чечне... так и не узнав, по каким „понятиям“ живут те, кто послал его на смерть» (рассказ «Интеллигент»).

Что же касается ключевого произведения этого сборника, то здесь я мысленно прошла по лабиринту моей жизни и попыталась воссоздать атмосферу тех далёких 70-ых, память о которых нет-нет да и шевельётся в душе.

С теплом и добрыми пожеланиями к моему читателю,

*Ольга Трушкова,
Иркутск – Веренка.*

О людях, о себе и о судьбе

Судьба, твердят из гроз, а не из роз.
А что судьба? За что её-то судят?
Людей порою да беды и слёз
Доводят сами люди... сами люди...

Погасят искры яркие в душе,
Дитя обидят, осмеют калеку.
И как им непонятно, что уже
Пора быть Человеком человеку!

Утихнет боль – не вечной быть беде,
Сменяется смятение покоем.
Но тянет, как магнитом, от людей
Тот звонкий бор, то поле золотое.

Обнять бы землю, сколько хватит рук,
Почувствовать тепло её всем телом,
Дыхание её и каждый звук
Ловить, как песню, сердцем наболелым...

В моей судьбе немало было гроз,
И знаю я отнюдь не понаслышке:
Людей доводят до беды и слёз
Ничтожные и жалкие людишки!

Март, 1998

По лабиринту памяти

повесть

Часть первая

Глава 1

Что-то опять ночь тянется целую вечность... Проклятая бессонница! Что же не даёт Марии спокойно спать? Старость? Наверное, она. Да ещё память, которая в последнее время всё чаще и чаще заставляет Марию бродить по тропам прошлого, по лабиринту прожитой жизни.

Она достала альбом с пожелтевшими чёрно-белыми фотографиями. Вот первая в её жизни школа. Крюковская средняя. В Белоруссии. Вот её подруга Людочка. Вот и она сама, тогда ещё Маша. А это – самая главная в её жизни наставница, научившая её учить детей и ни перед кем не терять своего лица. Завуч Людмила Яковлевна.

Последняя школа Марии была уже здесь, в Сибири. Чёрное и белое менее контрастны, нежели эти две школы.

Всю свою жизнь Мария преклонялась только перед двумя добродетелями – умом человека и его порядочностью. Увы, ничего этого в Платоновой Аде Васильевне, директоре своей последней школы, она не находила: ни ума, ни порядочности. Десятиминутного общения с этим человеком было достаточно, чтобы увидеть паранойю в стадии мания величия. При более длительном контакте невозможно было не обнаружить рядом с активной паранойей явно прогрессирующий маразм. Судя же по косноязычию, Ада Васильевна была ещё и отвратительным учителем, потому что преподавала она, как ни парадоксально, как раз то, что требует от учителя лёгкой, изящной речи и абсолютного знания орфоэпии. Преподавала Ада Васильевна русский язык и литературу. Эти же предметы преподавала и Мария.

Первое, с чем столкнулась Мария в этой школе, было то, что мальчики, имеющие иноязычные фамилии с нулевым окончанием, совершенно игнорируют их склонение. Битый час она убеждала девятиклассника Колю в том, что его тетрадь принадлежит не Раштоллер, а Раштоллеру. Он же не девочка! Не хочет Коля склонять свою фамилию, не хочет мальчиком быть, хоть убей!

Рассказала Мария коллеге своей Алине Павловне, тоже словеснице, про упрямого Колю, совета попросила. Совет был дан незамедлительно:

– Да оставь ты его в покое! Он восемь лет не склонял, привык, а ты хочешь его переучить.

Ну и ну! Значит, если Ваня привык писать «корова» через «а», пусть и дальше так пишет? Переучить? Значит, кто-то уже научил Колю не склонять его фамилию? Почему за восемь лет ему никто не показал правильное её написание в косвенных падежах? Каково? А кто, простите, обучал Колю в шестом классе, где как раз и изучается это правило?

Целый год билась с этими фамилиями Мария, целый год у неё волосы дыбом вставали от безграмотного письма и корявой речи и учеников, и коллег-словесниц.

Это только русский язык. Но была ещё и литература.

Познания классики у Алины Павловны по своей сути напоминали «бородатый» анекдот:

Раскольников – брат Карамазова, а ещё, помнится, в пьесе «На дне» Герасим Катерину в Волге утопил. То ли в «Грозу» дело было, то ли «Накануне».

Не любила она классику, детективчиками увлекалась. Дарья Донцова была для неё «лучом света в темном царстве» литературы. Зачем же детям нести то, что самой противно? Их-то зачем тащить за собой в это «тёмное царство»?

Понятно, почему она вот уже более двадцати лет всё еще студентка-третьекурсница пединститута. Заочница. Хотя сегодня Алина Павловна, возможно, уже и купила диплом, только мозги-то к нему не прилагаются.

Ада Васильевна детективами не увлекалась, литературу, вроде, знала, трактовала её с правильных позиций коммунистической партии и товарища Сталина, но на её уроках засыпали даже мухи. Дети на границе двух тысячелетий не хотели разделять антикварного взгляда учительницы на классический образ грезившего мировой революцией коммуниста Макара Нагульнова, а видели в нем только отороженного на всю его контуженую голову беспредельщика, к тому же ещё и бича-тунеядца. Судите сами: бабы поле пашут, а он с таким же лентяем Щукарём петушиным пением наслаждается.

Но высказать своего мнения дети не могли – рисковали аттестатом. Говорить они могли только то, что хотела слышать Ада Васильевна. Это же касалось и учителей. Учителя рисковали рабочим местом.

Зато Мария высказывала Аде Васильевне всё, что думает о Макаре Нагульнове, о коммунистах вообще и о коммунисте Платоновой в частности, за что и была уволена. Во время своего очередного отпуска. По причине истечения срока трудового договора. Несуществующего.

Такого она даже от Ады Васильевны не ожидала. Нет, не увольнения. Она не ожидала, что директором школы, оказывается, может стать даже идиот. Выходит, считая Аду Васильевну только полудурком, Мария ей безбожно льстила?

Суд восстановил уволенную на рабочем месте, все её вынужденные прогулы и судебные пошлины директор оплатила из своего кармана.

Но увольнение будет через полтора года, сейчас же Мария всё ещё учит детей, а заодно и учителей, склонять фамилии. С учителями оказалось намного сложнее. Коля не подозревал о подобном склонении только восемь лет, а они – гораздо дольше.

Первый учебный год подошёл к концу. Последний звонок. Ада Васильевна зачитывает приказ:

– Считать допущенными к экзаменам... Ахметова Сергея... Раштоллер Николая...

Да, да! Именно так, Раштоллер, а не Раштоллера прочитает она из приказа, ею же и написанного.

Ну, что тут скажешь? Коле Раштоллеру в течение года правило, всё-таки, удалось усвоить, а Аде Васильевне – нет. Не дошла она ещё до шестого класса и правила этого не изучала. Они с Алиной Павловной всё ещё в пятом сидят, да не второй год, а каждая – своему стажу соответственно.

И как же теперь этому бедному Коле подписывать свои экзаменационные работы за курс неполной средней школы? Кто из них прав, Мария Петровна или директор школы?

Прав тот, кто главнее, решил Коля, и подписал по укоренившейся за восемь лет привычке, но, на всякий случай, в скобках «а» приписал. Пусть теперь они сами разбираются.

Через два года Мария уже перестала впадать в ступор при виде написанных русоведами «ГеНадьевна», «Унтер ПришЕбеев», «БальмонД» и тому подобного. Она уже не вздрагивала от «коЛидора», её уже не выворачивал наизнанку ни «километр» с ударением на втором слоге, ни «цемент» – на первом.

Мария даже не удивилась, когда инспектор РОНО, курирующая преподавание как раз русского языка, обратилась к ней с просьбой показать творческую «лабоЛаторию» по предмету. Она перестала удивляться всему происходящему и в школе, и в районе. Устала удивляться, потому что, по сути, оказалась одиноким бунтарём, восставшим против монументальной Ады Васильевны, и единственным человеком, отстаившим свои права через суд. Никто – ни до, ни после – этого сделать даже и не пытался. Умные учителя, любимые детьми, но неудобные памятнику «давно минувшей старины», гонимые этим монолитным сплавом тупости и самодурства, уходили молча.

Мария не Чацкий, это он «И один в поле воин», да и то только по словам критика. Ладно, пусть Белинский будет прав. Только вот даже такой бесстрашный воин почему-то очень быстро, через сутки, покинул поле брани, то есть, бал в доме Фамусова. С диким воплем «Карету мне, карету!», одуревший от «дыма Отечества» Чацкий сбежал опять за границу. И правильно сделал, ибо нет смысла воевать с невежеством, будучи одним в поле воином.

Мария тоже ушла. После той памятной анкеты.

Ада Васильевна очень любила проводить анкеты во вверенном ей коллективе – они помогали ей выявлять чуждых по духу. Район-то, как показывали выборы президентов и прочих политических деятелей, помельче которые, относился к так называемому «красному» поясу.

Мария «красной» не была. Не была она и «красно-бело-синей», потому что демократия в том виде, в каком её навязали народу, воспринималась ею так же, как и описанный в литературе «красный» террор. «Русь металась... Всё смешалось, сдвинутое враз... Человечье горе...»

Конец века повторил его начало.

Семимильными шагами шла приватизация. Она, проводимая «всё могущим» Чубайсом, шла под программным лозунгом «Грабь награбленное коммунистами да не забудь с народа содрать последнюю шкуру!»

«Замерзали» зарплаты. Рушилось старое, но новое было ещё уродливее. Если социализм своим «человеческим» лицом напоминал графа Дракулу, то дикий российский капитализм был двойником Фредди Крюгера.

В общем, Мария в политическом плане была совершенно «бесцветной».

Вот это-то как раз больше всего и настораживало бдительную Аду Васильевну, вот и проводила она эти бесконечные анкеты, чтобы выявить, наконец, истинное Мариино, «не наше», нутро. Только непонятно, что бы это ей дало, кроме личного удовлетворения?

Но последняя анкета носила иной характер, не политический: Аде Васильевне захотелось вдруг узнать, каков микроклимат в коллективе и каково отношение подчиненных к ней, любимой. А последний пункт анкеты предлагал респонденту высказать свои пожелания коллективу и школьной администрации. Кто уж там чего желал друг другу и администрации школы, Мария не знает, а вот лично она пожелала всему коллективу в целом и каждому его члену в отдельности «выдавливаться по капле из себя раба» и подписалась своим полным именем, поскольку не терпела никаких анонимок.

На следующий день проверяющая тетради Мария и проверяющая анкеты Ада Васильевна остались в учительской одни.

– Мария Петровна, – елеинный голос директора был основательно пропитан соком анчара. – Будьте так любезны, объясните, что вы тут про рабов каких-то невразумительное что-то написали?

Мария посчитала заданный ей вопрос шуткой и тоже позволила себе пошутить:

– А вы у Чехова спросите, он вам объяснит вразумительнее.

Она совсем забыла, что у Ады Васильевны чувство юмора полностью атрофировано, и не сразу поняла, что вопрос-то был задан как никогда серьёзно.

– Причём здесь Чехов? – совершенно искренне удивилась литератор с почти сорокалетним стажем и гневно потрясла анкетой. – Ведь это же вы, Мария Петровна, написали!»

Мария закрыла глаза и откинулась на спинку стула. Всё! Это конец! Это свыше её сил! Она больше не сможет работать в этой школе! Она больше не сможет работать в школе вообще! Ни в какой! Она не хочет! Она очень устала. «Карету мне, карету!»

Интересно, поверила бы ныне покойная Людмила Яковлевна в то, что такое возможно? Конечно, нет. Мария и сама бы не поверила, не приведи её судьба в эту школу. Да разве может быть такое, чтобы человек при почти нулевом интеллекте и при полном отсутствии элементарной порядочности самодурствовал более двадцати лет на руководящем посту, а весь коллектив стоял перед ним на коленях? Да что там стоял – ползал!

Нет, не поверила бы в это Людмила Яковлевна, потому что в Крюковской средней школе при тоталитарном коммунистическом режиме была настоящая демократия.

А вот в этой школе, которая давно уже находится в как бы демократически преобразованной России, царил настоящий сталинский режим. Здесь не было директора, здесь был диктатор!

Коллектив? А его тоже не было. Была свита, которая играла короля.

Глава 2

Каждому поколению – свои испытания. На поколение родителей Марии выпала война и все послевоенные лихолетья. Война прошла и по Сибири. Пусть здесь не взрывались бомбы, не свистели снаряды, но мужиков значительно поубавилось. Их рабочие места пришлось занять женщинам, девушкам, подросткам.

Семнадцатилетнюю Аню Зимину и двадцатилетнего Петра Гордеева судьба свела на лесосплаве уже после войны.

Ох, уж этот Пётр Гордеев... Не одна подушка была полита девичьими слезами, не одна девчонка грезила разбитным парнем. Шутник и балагур, отчаянный хулиган, он был, может, и не так красив, но чертовски обаятелен, этот Пётр Гордеев. А когда он играл на гармошке и пел своим бархатным голосом, таяло сердце самой неприступной красавицы.

Только выбрал Петр Гордеев почему-то Аню Зимину, застенчивую и совсем не красавицу. Судьба.

Худенькая, небольшенькая росточком, Аня наравне со всеми катала тяжелые бревна и связывала их в плоты. Работа не из легких, но платили за неё хорошо, а это было главным – девушке нужно было поднимать двух младших братьев. Отца, подавшегося в Черемхово на заработки ещё до войны, завалило в шахте, а мама умерла год назад от заражения крови – сторож леспромхозовской конторы, где она работала уборщицей, неудачно выдернул ей плоскогубцами больной зуб.

Петр на Аню не обращал никакого внимания до того несчастного случая, когда девушка, поскользнувшись на мокром бревне, упала в ледяную воду.

Он вместе с бригадиршей Катериной был в то время на другом конце плота и самого падения не видел. Услышав крики, подбежал, растолкал столпившихся баб, дико орущих и бестолково пытающихся помочь Ане. Она барахталась в воде и никак не могла ухватиться за мокрый шест, который протягивала ей пятидесятилетняя тетка Варвара. Сильное течение уже начало затягивать девушку под бревна.

Бригада была новой, состояла из женщин, для которых этот сезон лесосплава был первым, и все растерялись. Для Петра и подбежавшей следом за ним Катерины сезон был третьим. Он мгновенно оценил обстановку: багром действовать поздно, девчонка почти вся под плотом, багром Катерина уже самого Петра подцепит, если что. Больше не раздумывая ни секунды, Петр сбросил с себя телогрейку и прыгнул в воду. Катерина держала наготове багор – они понимали друг друга без слов. Петр вытащил Аню и с ней на руках побежал к теплушке, крикнув на бегу:

– Спирт!

Спирт был. У бригадира Катерины он был всегда. Случай с Аней на лесосплаве не был единичным, хотя иногда не находилось рядом такого Петра Гордеева и всё заканчивалось гораздо печальнее.

Положив Аню на дощатый топчан, Петр начал срывать с неё мокрую одежду. Катерина сразу же растопила железную печку, достала спирт из известного всем потайного места и стала помогать Петру. Вдвоём они быстро раздели девушку, но растирал её спиртом он один: у Катерины была жесточайшая астма и от запаха спирта бригадир задыхалась. Петр и с себя снял мокрую рубаху, ватники, но с кальсонами повременил. Увидев в теплушке перепуганных женщин, прибежавших следом за ними, рявкнул:

– Пошли вон отсюда, нечего глазеть! Кто за вас работать будет? И пусть кто-нибудь за шумтём сбегает для неё, – кивнул на Аню. – Вон Танька, она проворнее будет.

Женщины, а с ними и Катерина, послушно вышли из теплушки. Катерина хоть и числилась бригадиром по ведомости, по факту им был он, Петр, единственный мужик в их бригаде. Что её и отличало от остальных, так это то, что опыт у неё был поболее – как-никак три года лес сплавляет! – да спирт хранит. Она бы и спирт Петру доверила, только в этом деле Петр сам себе не доверял – друзей у него было много.

Когда Аня пришла в себя от испуга и увидела склонившегося над ней Петра с голым торсом, она стала отталкивать его и вопить лихоматом:

– Уйди, рожа твоя бесстыжая! Не трогай меня! Не смотри!

– Заткнись, дура! – рявкнул Петр. Рявкнул так же, как на тех бестолковых баб. Грубо перевернул девушку, начал растирать спиртом спину и со злостью добавил:

– Было бы на что смотреть, кожа да кости! А трогать тут и вообще не ...!

Конец фразы был припечатан крепким словом.

Закончив массаж спины, накрыл девушку валявшейся в углу мешковиной и своей сухой телогрейкой, кем-то предусмотрительно принесённой в теплушку ещё во время всеобщей суматохи. Катериной, наверное. Потом растер спиртом себя, достал с полки стакан, наполнил его на треть и прогрелся изнутри. Плеснул ещё, посмотрел на лежащую ничком Аню и развел спирт водой.

Черт её знает, может, она ещё и вина-то не пробовала.

Птицей влетела Танька. Она, окрыленная вниманием Петра, сбегала в поселок гораздо быстрее, чем бегала обычно, и принесла одежду не только для Ани. Но вместо благодарности получила лишь одобрителный кивок, за которым последовал суровый приказ отпра-

ляться на своё рабочее место. Ласковыми с ними, девушками, Петр бывает только по вечерам, а на работе он злой и грубый. Это знали все и на него не обижались.

Аня спирт пить не хотела, вырывалась, но Петр твердо сказал короткое «надо» и силой влил в неё эту горючую смесь.

Найдя подходящую для себя одежду, облачился в неё, снял с Аниной спины свою телогрейку и бросил возле топчана принесенный Танькой рюкзак. Сама разберется, некогда ему тут с ней нянчиться! Подбросил в печурку дров, закурил и вышел на улицу. За него ведь тоже никто работать не будет.

Купание в ледяной воде для Ани на данном этапе прошло без последствий. Но только на данном. Оно ей ещё не раз аукнется потом. Петру же оно «аукнулось» уже на следующий день, когда они опять встретились на плоту. Зацепился паренек за эти «кожу и кости», крепко зацепился.

И начал он демонстрировать Ане знаки внимания: то шутку в её адрес отпустит, то толкнет, вроде, невзначай. Не в воду, конечно, Боже упаси! Опять самому туда прыгать?! Хотя...

На гармошке играет, частушки поет – ей подмигивает. А она как будто не видит и не слышит. Слегка обнять попробовал – руку со своего плеча сняла и на другое место пересела. Обнял нахальнее – так посмотрела своими серыми глазищами, что руки сами опустились.

А чем ещё можно привлечь внимание девушки, простой паренёк из таёжной глуши не знал. Деликатному обхождению не искусен был. Где обучаться-то, у кого и когда? До войны только семь классов и закончил. Книжки читать про всякие нежности было некогда. С четырнадцати лет в леспромхозе чертоломит: сучкорубом, чокеровщиком, вальщиком, теперь вот на сплаву. Да и она сама-то кто? Такая же леспромхозовская девчонка, только с соседнего участка. А корчит из себя королеву тайги!

Разозлился Петр на Аню, уволился с работы и уехал куда глаза глядят.

Глаза глядели в райцентр. Здесь Петр прикупил за бесценок себе домик, устроился на железную дорогу путеобходчиком и закрутил напропалую с осмотрщицей вагонов разведённой Лизой. Она всегда была веселой, не выламывалась, как некоторые, и позволяла Петру не только обнимать себя.

Но главное, у Лизы были почти такие же, как и у Ани, серые глаза и такие же светлые волосы. Правда, Аня заплетала их в толстую косу, а Лиза носила короткую причёску. Да какая разница, Аня или Лиза?

Лиза быстро навела порядок в новом жилище Петра. На окнах появились занавески, как-то незаметно для него сюда перебралась Лизина посуда и прочее, вслед за всем этим перебралась сюда и сама Лиза.

А может, и ничего, тоскливо думал Петр, может, так и надо?

Но через неделю Лизин заразительный смех стал просто невыносим и напоминал ему конское ржание, через две – её серые, почти Анины, глаза превратились в грязные пуговицы от его рабочей куртки, а короткие волосы ему, оказывается, вообще, никогда не нравились.

На третьей неделе Петр выгнал Лизу вместе с занавесками, посудой и всем прочим, запер дверь на замок и поехал на попутном лесовозе предлагать Ане пустой дом, руку и сердце. Больше ничего предложить он ей не мог. Ничего у него, кроме этого, не было...

И ведь добьется своего Петр! Через год Аня переступит порог его дома, повесит на окна свои занавески, перевезёт сюда свою немудреную мебелишку и двух братьев.

А ещё через год, краснея и заикаясь от смущения, скажет Петру, что она понесла.

Петр почешет затылок, довольно крякнет, разопьет чекушку с друзьями из столярной мастерской при локомотивном депо, принесет оттуда две доски, несколько брусков и начнет

по вечерам мастерить кроватку для будущего наследника или наследницы. Все равно, кого. Кто бы ни родился, Петр будет его любить. Он это знает, потому что уже любит его, своего еще не родившегося ребенка.

Глава 3

Тяжело досталась Маша маме, это было первое «ау» того купания. Аня двое суток не могла разродиться, и двое суток бегал вокруг старого деревянного здания Петр. Он матерился в бога, в черта и в медперсонал роддома. Он то затихал, то опять буянил, рвался к Ане и даже сам хотел принимать роды, доказывая старой санитарке, что так будет быстрее. Старая санитарка вызвала участкового.

Участковый был с похмелья. Петр сбегал в ближайший магазин, купил чекушку, поведал участковому о своей горе, и теперь они уже вдвоем бегали вокруг роддома. Сделав пару кругов, присели передохнуть. Хороший мужик, этот участковый! Сочувственный!

– Ты только вникни! Я заглянул в коридор, а они, в белых халатах которые, кофту какую-то рассматривают! И это в то время, когда моя баба родить не может! – негодовал Петр, выливая остатки водки в алюминиевую кружку. Её Петр взял «на время» по совету участкового в коридоре роддома – стояла на крышке бочки с привозной водой.

– На, дёрни!

Участковый дёрнул, вник, тоже осудил рассматривающих кофту в такой ответственный момент, посочувствовал Петру, вздохнул и пустился вслед за ним в очередной забег.

К великому счастью их обоих, Аня, наконец-то, разрешилась девочкой. Эту радостную новость вынесла на крыльцо та самая старая санитарка. Петр и участковый стали обнимать её и друг друга. Потом новоявленный отец захотел немедленно увидеть свою дочь и показать её участковому, теперь уже своему другу до гробовой доски. Он настойчиво требовал, чтобы его пропустили в роддом, грозился выломать дверь и даже пытался привести угрозу в исполнение.

Дверь была сделана на совесть и Петру не поддавалась. Хитроумный план Петра проникнуть в здание через окно участковый решительно не одобрил, а также отверг очередную попытку достучаться через дверь до совести тех, «в белых халатах которые».

Он поставил на перила крыльца взятую «на время» кружку и увел счастливого, но ещё не совсем спокойного отца подальше от роддома.

В том же ближайшем магазине они купили ещё одну чекушку, поделились своей радостью с продавщицей и пошли в гости к другу участкового, тоже участковому, только на другом участке. Пусть и он порадует, что у Петра родилась дочь!

Счастливый Петр ежедневно навещал своих «девок», а в день выписки уже с самого раннего утра сидел в тесном коридорчике и с нетерпением поглядывал на часы. Старая санитарка, та самая, принесшая ему радостную весть о рождении дочери, на сей раз принесла ему домашнюю булочку и стакан чая. Присела рядом. Петру было стыдно за то, что он тогда доставил ей столько хлопот, но женщина улыбнулась и сказала:

– И, милоч! Да чего я тут за пятьдесят-то годков работы не насмотрелась! Всяко бывает. Бывает, и участкового зову, как вот с тобой тады. По 02 не звоню. Пошто вас, папаш будущших, радости-то лишать? Из 02 которые, ежлиф приедут, живо в кутузку свезут. Оне не Иван Иванович, оне с вами не станут тут скакать. А хто вам в клетку весточку об дитятке вашем нарощанном принесет?

Я, милоч, Иван Иванычу звоню. На работу. Ежлиф там нет, домой звоню. Раньше-то, када у ево телефону не было, я пешком ходила. Он недалече живет, за углом. Один токо Иван Иваныч и бегат с тут с папашами полоумными. Када имя есть кому поплакаться, оне не буйствуют.

– А он не того? – Петр щелкнул себя по кадыку. – Не сопьётся?

Ему очень не хотелось, чтобы душевный, все понимающий Иван Иваныч спился, спасая «полоумных папаш» от клетки в кутузке, а то и от реального срока за хулиганство. Ведь неизвестно, как повел бы себя сам Петр, начни те, из 02 которые, скручивать ему руки и заталкивать в свою машину. Хотя почему неизвестно? Очень даже известно – в драку бы с ними полез! Вот тебе и небо в клеточку. А кто бы тогда сегодня забирал его Аню и доченьку? И как бы они потом жили без Петра?

Санитарка опять улыбнулась:

– Да он, милоч, почитай, года три в рот не берет. Сердце у ево пошаливат. Водкой он вас, обормотов, отвлекат. Сначала намекат, мол, здоровье поправить надоти. Вот ты бегал в магазин? Бегал. Како-то время и прошло. Опосля разлить надоти, слова каки-то сказать, навроде тосту. Ты выпил, пошел языком молотъ – пар-то маненько и вышел. А он выпил, аль нет, ты ж не видал. Не в стакан наливашь. Кружку-то люменеву я не запросто так на бочку-то ставлю. А пока ты нас, в белых халатах которы, костеришь, Иван Иваныч свою долю на землю-то и выльет потихонечку. Про жисть твою начнет спрашивать, про работу, про отца и мать.

Пока то, да се, бабенка, глядишь, и родит. А ежлиф сложности каки с ёй, я Иван Иванычу знак дам. Тады уж он буяна от нас подальче убират, к Серафимычу ведет. Тот тоже милцинер, друг Иван Иваныча. Оне вместях воевали. У Иван Иваныча дома жена хворат, как вас туды-то? А Серафимыч одинокий, вся семья под бонбой осталась. Он потому из Курска сюды и приехал, что у ево, окромя Иван Иваныча, никого не осталось.

Оне вас, молодых папаш, так и называют – новорожжанны.

Твоя-то бабенка хоть и тяжёла была, да с Божьей и нашей помощью сама разрешилась. Дык опеть неладно – ты закуражилси. Дайте ему дитё, и всё! Тоже, поди, у Серафимыча очухалси? Вот и тебе баско, и ему не так худо. Все не один был.

Санитарка встала, потрепала Петра по волосам и направилась к дверям.

– Подождите, – подскочил Петр, – как вас зовут?

– Марья Харитоновна я, – ответила добрая старушка.

Всё, дочь назовем Марией, твердо решил Петр. Машей. А когда сын родится, будет Иваном. Второго назовем Серафимом, как Серафим Серафимыча. Только бы Аня согласилась.

Аня согласилась.

Когда через три года Петр привез Аню в тот же роддом, впрочем, другого-то и не было, и ждал появления на свет Ивана, он уже не бегал вокруг здания и не буянил, потому что усмирять его вызвали бы тех, «из 02 которые». Иван Иваныч умер. Не было и Марьи Харитоновны. Молодая санитарка в кокетливо повязанной косыночке сказала, что Марья Харитоновна то ли к дочке уехала, то ли умерла. Уточнять кокетливо повязанная косыночкой наотрез отказалась, потому что делать это она не нанималась, ей за это не плотют и, вообще, она не справочное бюро.

Петр пошел ждать Ивана к Серафимычу. Без чекушки. Просто, чтоб не так одиноко было.

А Иван не родился... Серафим тоже...

Это было второе «ау» того ледяного купания.

Глава 4

Мария перевернула подушку, поохала, пристраивая удобнее свои больные ноги, и сделала ещё одну попытку заснуть. Увы, опять напрасную. Воспользовавшись этим, память снова повела её по своему лабиринту.

В начальных классах она была почти изгоем. Разве могли не смеяться одноклассники с подачи Юлии Павловны, их первой учительницы, над Машиными вечно пачкающимися манжетами, её нелепыми тоненькими косичками-хвостиками и постоянными кляксами в тетрадях? Но особым предметом насмешек были теплые шаровары с начёсом, без которых в сибирские морозы просто не обойтись. У многих девочек имелись на этот сезон настоящие шерстяные рейтузы. Красивые! Но это было не всем по карману, да и достать такую роскошь можно было только по большому благу. Карман у Машиных родителей был тощий, а блага так и вовсе не было. Ни большого, ни маленького. От насмешек не спасало даже то, что училась девочка на «отлично».

В тот день их принимали в октябрят. Непривычно притихшие мальчики в начищенных ботинках и отглаженных гимнастерках. Девочки в белых фартуках и с огромными бантами. Все ждали того торжественного момента, когда старшая пионервожатая прикрепит им на грудь звёздочку с портретом маленького Ленина, после чего они пойдут указанной им дорогой в светлое будущее уже не просто мальчиками и девочками, а внуками Великого Вождя.

Маша тоже была в белом фартуке и с огромным бантом. Всё было хорошо. Но хулиган Генка Храмцов, по которому, как говорила Юлия Павловна, давно тюрьма плачет, толкнул девочку. Падая, она задела рукой чернильницу, которая скатилась прямо на белоснежный Машин фартук и сделала его наполовину фиолетовым.

Вот-вот должно начаться торжество, а тут такой кошмар в виде этой нелепой Гордеевой!

Разъяренная Юлия Павловна выдернула перепуганную девочку из-за парты и, со словами «ни богу свечка ни черту кочерга», затолкала её за пыльную ширму, прикрывающую наглядные пособия. Юлия Павловна была одним из лучших педагогов в их городке, всегда на всех торжествах сидела в президиуме, щедро делилась опытом работы с детьми, и Маша не имела права позорить её!

Звёздочку прикрепит потом папа. К повседневному черному фартуку. Но о том, что Маша ни богу свечка ни черту кочерга, Юлия Павловна будет напоминать девочке постоянно.

Хорошо, что в их городке открылась новая школа и переполненная старая была реформирована! Хорошо, что Маша попала в новую! Хорошо, что Юлия Павловна осталась в старой, но плохо, что она калечила детские души до самой пенсии.

Нет, не плохо – страшно!

Мария перевернулась на другой бок и опять пошла вслед за памятью.

Всё изменилось, когда Маша после обучения у «одной из лучших» стала обучаться у самых обыкновенных, не титулованных учителей. Из их класса в 5 «Г» попали четыре человека. Светка Пуртова, у которой было «что там, что тут» (Юлия Павловна всегда на себе показывала, где у Светки находится это «там», а где – «тут»). Таня Серпухова, которая «смотрит в книгу, а видит фигу». Генка Храмцов, по которому «тюрьма плакала». И Маша – «ни свечка... ни кочерга».

Но у Светки учителя обнаружили разницу между «там» и «тут», Таня перестала видеть в книгах «фигу», и даже по хулиганистому Генке тюрьма перестала лить слёзы. Сама же Маша поняла, что за отличную учебу учителя могут ученика даже уважать! Не сразу, но удалось Галине Сергеевне, классному руководителю 5"Г», заставить девочку распрямиться и поверить в то, что она не гадкий утенок!

К тому времени, когда им вручали аттестаты зрелости, а Маше – еще и золотую медаль, она превратилась в хорошенькую сероглазую девушку с густыми пушистыми волосами цвета спелой пшеницы, уверенную в себе и своем будущем. В том, что это будущее будет прекрасно, сомневаться не приходилось: ведь сам Леонид Ильич сказал, что наша дорога – дорога к счастью.

Для Маши дорога к счастью, обещанному генсеком, началась с университета. Легко поступила, легко училась, легко защитила диплом.

А сейчас она, преподаватель русского языка и литературы, едет в одно из белорусских сёл сеять «...разумное, доброе, вечное». В отличие от своей первой учительницы, которая сеяла вражду между детьми, деля их на докрасна заласканных и опальных. Это её, Машин, выбор: и неведомая Белоруссия, и учительство.

Хорошее было время, подумала Мария, полное надежды, веры и любви. Молодость есть молодость, ей свойственно заблуждаться, ошибаться и быть при всём этом счастливой. Может, потому нам и кажется то время лучше сегодняшнего, что мы были молодыми? Наверное, да. Только вот почему-то у сегодняшних молодых нет той, нашей, надежды и веры.

Глава 5

Председательский «бобик» лихо развернулся перед крыльцом П-образного деревянного здания, и высунувшийся из машины шофер так же лихо отрапортовал стоящему на крыльце мужчине предпенсионного возраста:

– Принимай педкадру, Сергеич! Доставил в целости и сохранности. Откармливайте и воспитывайте.

Сергеич, оказавшийся школьным завхозом, не спеша подошёл к машине, помог вытащить из набитой всякой всячиной кабины небольшой чемоданчик, сетку с книгами, окинул взглядом хрупкую фигурку девушки и ответил:

– Ладно, езжай дальше, ботало!

И уже обращаясь к приехавшей, произнёс:

– Ну, пойдём с жильём определяться. Как зовут тебя, дочка?

– Маша... Петровна.

С жильём определились быстро – люди охотно брали на квартиру специалистов, потому что тех обеспечивали бесплатным электричеством и топливом в виде машины торфа на зиму. Довольно просторный дом был разделён на две половины: одна служила прихожей, кухней и спальней самой хозяйки, пожилой одинокой женщины, вторая половина называлась «чистой».

Незатейливая обстановка: стол в «красном» углу под иконами, убранными вышитыми полотенцами (набожниками), сундук (скрыня) под одежду, широкая лавка и две железные кровати с горой огромных подушек. Сундук, лавка и кровати накрыты домоткаными ковриками-постилками. На столе лежала новая клеёнка. Довершали интерьер половички, тоже домотканые, и особенная чистота, присущая только одиноким и очень чистолюбивым женщинам.

Вот здесь и предстояло жить Маше, теперь уже Марии Петровне.

Завхоз договорился с бабкой, что Маша будет снимать жильё со «столом», то есть, питаться будет вместе с хозяйкой, и платить за всё будет двадцать рублей в месяц. Плата при зарплате в шестьдесят два рубля вполне приемлемая.

После всего этого Маше едва хватило сил умыться с дороги. Добравшись до кровати, она тут же провалилась в сон, даже не раздевшись и не дождавшись ужина.

Утро началось с голосистой петушиной побудки. Девушка вышла на крыльцо и удивилась теплу последних августовских дней – в Сибири в это время уже заморозки, а тут, хоть босиком бегай! Бабка приготовила завтрак, но Маша попросила чаю и была несказанно удивлена, что чай здесь не в чести и его заменяют взваром из фруктов или молоком. Взвар так взвар. Кстати, он не имел ничего общего с тем жидким мутным компотом из их студенческой забегаловки и очень понравился сибирячке.

Что ж, пора приступать к педдеятельности.

И потекли дни за днями, недели за неделями. Планы, уроки, тетради, совещания. Размерно и однообразно. А в октябре...

А в октябре появился Костя...

Глава 6

Уроки в ту памятную субботу закончились рано, да и было их у Маши по расписанию только три. Собрала по-быстрому ученические тетради на проверку, положила их вместе с планами и пособиями в учительский портфель, именуемый модным словом саквояж, проверила, нет ли изменений в расписании уроков на понедельник, и заторопилась домой. В коридоре лицом к лицу столкнулась со своей подругой Людой, Людмилой Викторовной, молоденькой учительницей немецкого языка.

– Ой, Маша, хорошо, что я тебя застала, нас позвали к Илье Евсюку на проводины в Армию. Нет, нет, и не вздумай отказываться, его тётка обидится. И Егору передай, чтоб тоже был, – скороговоркой выпалила всегда куда-то спешащая подруга.

– Егор в Гомель уехал, – растерянно произнесла Маша. Растерянно не оттого, что Егор уехал, а от неожиданного приглашения. Евсюков она почти не знала.

– Ну, без него погуляешь. В общем, мы с Лешей за тобой зайдём.

Ты наших деревенских обычаев не знаешь: на проводины приходят даже незваные, им тоже рады. Но если званые откажутся без всякой на то причины, хозяева обижаются. У тебя

есть причина? – и, не дожидаясь ответа, помчалась догонять библиотекаря Верочку, наверно, чтобы тоже пригласить на проводины.

Причины обижать Евсюков и тётку Ильи, хозяйку дома, где «снимала угол» Люда, у Маши не было, и она решила пойти, хотя имела на субботний вечер иные планы: почитать, ответить на письма однокурсников, послушать музыку.

Проводины, что называется, удались и Маше понравились. Гуляло если не всё село, то уж половина его – это точно. Дружно собирали «стол», каждый нёс то, чем был богат. Слаженно, душевно пели. Песня «Туман яром, туман долиною» просто очаровала Машу. Она обязательно запишет слова.

Маша и сама любила петь. К сожалению, тех песен, что пели на проводинах, она не знала и смогла присоединиться к поющим только один раз – «Не плачь, девчонка» знал весь Советский Союз. Танцевали, шутили, давали напутствия новобранцу. Почётной считалась в те далёкие семидесятые армейская служба.

Молодые учительницы не были обделены вниманием молодых ребят. Один танец сменялся другим, устраивались потешки, игры.

В разгар веселья пришли опоздавшие на его начало ребята из соседнего села, и на следующий танец Машу пригласил один из них. После того, как смолкла музыка, он сказал, что зовут его Костя, поблагодарил за танец, проводил до её места и больше не подходил. Но девушка до конца вечера почти физически ощущала на себе его взгляды, хотя и не смотрела в его сторону. Ну, почти не смотрела.

Домой расходились толпами, группами, группками, парами. Люда ушла со своим Лешей. Обычно, если с Машей не было её верного оруженосца Егора, Люда и Леша сами провожали её. Но на этот раз проводить девушку вызвались опоздавшие на проводины «соседи», им и Маше было по пути. Ребята довели её до самой калитки, сказали пару дежурных комплиментов и попрощались по-джентльменски. Хотя это «по-джентльменски» больше походило на «по-шутовски», девушке было приятно.

Костя ушёл с ними. Комплиментов не говорил. Джентльмена не изображал. Ухаживать не пытался. Всё время молчал.

А с понедельника всё вернулось на круги своя: уроки, планы, тетради.

Глава 7

Вот уже третий день идёт нудный мелкий дождь и, судя по тяжёлым мрачным тучам, прекращать своё действие не собирается.

Маша подошла к окну, посмотрела на потемневший от дождя сад, подышала на стекло и написала вязью: «Костя».

Странно, почему она постоянно думает о нём? Ну, потанцевали... Ну, проводил до калитки... Так танцевала она и с другими, и провожали её не раз, причём не толпой. Вон Егор, внучатый племянник её хозяйки, постоянно находит причину навестить свою бабушку, хотя до приезда Маши, по словам той же хозяйки, не знал, как дверь в эту хату открывается. Зато теперь и по дороге на колхозную ферму – он там зоотехником работает – и на обратном пути обязательно заскакивает «на минутку». «Минутка» эта, если она вечерняя, часами оборачивается.

Мать его, женщина шумная и своенравная, тоже зачастила к ним, хотя раньше не очень-то свою тётку вниманием баловала. И разговоры у них только о Егоре: и умница-то он, и харак-

тером пошел в деда, спокойный да покладистый, и работающий-то какой, в отца, а уж красавец-то!

Егорова деда, бывшего колхозного бухгалтера, Маша не знала, слышала только, что был он себе на уме. Отца видела пару раз, затюканный какой-то, но на работягу, действительно, похож. (Ага, попробовал бы он при такой жене не быть им, работягой-то!)

Умом и красотой Егор, стало быть, пошёл в мать, хотя мать и замалчивала это. По своей природной скромности, разумеется. Люди обязаны сами догадаться, если мозги имеют. Маша догадалась сама. Интересно, а есть ли у Егора что-нибудь своё, не от родственников позаимствованное?

Да нет, зря она о нем так язвительно. Это совсем ни к чему. Ведь он, действительно, хороший парень. Бабка с матерью не лукавят. На работе его ценят, люди на селе уважают, характер золотой, он красивый и умный. Общаться Маше с ним интересно. Им нравятся одни и те же книги, они подолгу обсуждают фильмы, иногда даже ходят вместе в кино и на танцы в сельский клуб, после чего Егор её провожает до дома. Никаких отрицательных чувств к нему она не испытывает. Однозначно.

Всё дело в том, что Маша не испытывает к нему и других чувств. Никаких! Вообще, никаких! Просто хороший парень. Друг.

Но как это объяснить тем, кто исподволь пытается спаять Егора и Машу в крепкую ячейку советского государства?

Вот если бы на месте Егора был Костя...

Стоп, стоп, стоп! Опять Костя? А что она, Маша, знает о нём? Один вальс и короткое «Спасибо за танец. Меня зовут Костя»? Его низкий, слегка хриловатый голос?

Но зачем этот голос звучит в ней так мелодично, зачем она снова и снова видит его глаза, в которые и взглянула-то только однажды, во время танца, да и то мельком? Ведь даже цвета этих глаз она тогда не разглядела от какого-то непонятного волнения. Нет, конечно же, не от волнения (чего волноваться-то?), просто темновато было.

Маша вздохнула, отошла от окна, села за стол и принялась за ставшую уже привычной работу: проверка тетрадей, планы на завтрашние уроки. Всё, хватит дурью маяться, выбросить его из головы! Точка!

Но выбросить из головы Костю никак не удавалось, Маша продолжала «маяться дурью», а точка не хотела стоять на предписанном ей месте.

Прошла неделя, другая. Костя как в воду канул. Маше хотелось узнать, кто он, где он сейчас? Но у кого спросить? И, главное, как? «Вы не подскажете, с каким таким Костей я танцевала у Евсюков полмесяца назад?» Глупо. Да и не принято девушке проявлять интерес к парню столь открыто.

А жизнь шла своим порядком. Готовились к празднованию очередной годовщины Великого Октября. Традиционно по этому поводу в клубе проводили торжественные собрания, а школе поручали оформление самого клуба. Тоже традиционно. Очередная годовщина Великого Октября традиции не нарушила – школа украшала клуб.

Вместе с молоденьким физруком Петром, вчерашним выпускником этой же школы, Маша по поручению двух комсоргов, школьного и колхозного, готовила праздничную стенгазету. Комсорги, объяснив девушке всю важность возложенной на неё миссии, побежали дальше что-то на кого-то возлагать.

Петро хоть и был молоденьким, но уже знал цену времени и в целях его экономии предложил разделение труда – он пишет заголовок и девиз, она приклеивает фотографии ударников колхозного производства и пишет всё остальное.

Петро очень ценил своё время и сэкономил его дважды: заголовок написал сам, а девиз вырезал из прошлогодней стенгазеты, аккуратно приклеил на новый лист ватмана, полюбавался своей работой и убежал на свидание к бывшей однокласснице, нынешней доярочке из второго звена. Кстати, из звена комсомольского, передового!

Конечно, о его непатриотическом поступке никто никогда даже не догадается, потому что приклеенное недобросовестным комсомольцем Петром «Мы за партией идём, слава Родину делами!» можно встретить повсюду. Попробуй, вспомни, видел ты его вчера в районной газете или год назад в газете местного пошиба.

Да и читать ни лозунг, ни саму стенгазету никто не будет. Стенгазета нужна комсоргам для отчета о проделанной работе. Кстати, они тоже её не будут читать. Петро в этом был абсолютно уверен и был абсолютно прав.

Маша закончила работу, оглядела зал, прикидывая, куда можно пристроить шедевр их с Петром творческого дуэта, и наткнулась взглядом... на Костю. Он стоял в дверях, смотрел на сцену, где устанавливали трибуну, приветствовал кого-то взмахом руки и улыбался.

Найдя, наконец, место, достойное для «новорождённой», Маша попыталась при помощи канцелярских кнопок прикрепить её к стене. Но ватман то выскальзывал из почему-то дрожащих рук, то сворачивался в трубочку, а кнопки норовили либо согнуться, либо рассыпаться. Девушка едва не плакала от обиды, что это происходит на глазах у Кости, и он видит, какая она беспомощная и неловкая. Наверное, даже смеётся над ней.

– Давай, помогу.

Егор? Он-то откуда взялся? Он же доклад должен готовить об успехах животноводов?

– Освободился пораньше и пришёл тебя встретить. Вот дождевик захватил, а то в куртке промокнешь, опять поливает, – ответил Егор на её немой вопрос.

Бунт ватмана был подавлен, почётное задание выполнено, можно идти домой. Маша отнесла коробку с канцтоварами в подсобку, закрыла её на замок, ключ положила в карман куртки. Как же пройти мимо Кости?

Но Кости в дверях уже не было.

Выйдя на улицу, вспомнила о ключе от подсобки. Господи, его же нужно было отдать заведующей!

– Егор, подожди минутку, я сейчас!

Сунув ему в руки дождевик, забежала в тёмное фойе и замерла на входе в зал – Костя стоял у её стенгазеты и прижимал нижний угол листа к стене. Вероятно, им с Егором не удалось подавить бунт до конца.

Маша отошла от двери. Сердце бухало так, что, казалось, это слышит не только всё их село, но и два соседних.

Усмирив окончательно строптивый угол стенгазеты, Костя вышел из клуба. Машу он не заметил.

На торжественную часть вечера Маша с Людой немного опоздали и пришли в самый разгар награждения. Кому-то достались часы, кому-то – кухонная посуда. Самыми ценными

считались «Почётная грамота» и вымпел – красный флажок с надписью «Ударник коммунистического труда». Труд Егора оценили и тем, и другим. Маша от души радовалась за него, даже гордилась им.

Награждённый Егор сел рядом, и Маша в качестве поздравления по-дружески чмокнула его в благоухающую «Тройным» одеколоном щёку.

– Ого, ещё одна награда, – слегка насмешливо произнёс чей-то голос за спиной Маши.

Его она не могла спутать ни с каким другим, он слишком долго звучал в ней, он был единственным и неповторимым!

У Маши застучало в висках, и что-то, неведомое ранее, горячими волнами ходило в груди, подкатывалось к горлу и пыталось вырваться наружу.

– Костя? Здорово! Сколько лет, сколько зим! – обрадовался Егор, протягивая для приветствия руку. – А это Маша, Мария Петровна, наш педагог! Знакомься!

Слово «педагог» он произнёс торжественно и шутливо поднял указательный палец вверх.

– Да мы уже, кажется, немного знакомы.

– Кажется, или, действительно, знакомы? – вроде и пошутил Егор, но голос предательски дрогнул.

– Кажется, кажется, – успокоил его Костя и улыбнулся. – Мария Петровна и забыла наше знакомство длиною в один-единственный вальс.

– А, – облегчённо выдохнул Егор. – Перекур перед танцами?

Прикурить в тот момент можно было и от Машиных пылающих щёк.

Костя не курил, Егор тоже. Но они вышли на улицу. Они были друзьями, а друзьям, если они долго не виделись, поговорить всегда найдётся о чём. О Маше разговора не было, хотя каждый из них думал сейчас только о ней.

А Маша, вначале возликовавшая – Он помнит меня! Он помнит! – опять сникла. А что помнит-то? Вальс?

Зазвучала музыка. Молодёжь проворно расставила стулья вдоль стен, освободив место для танцев, и первые пары вышли в круг. Народу было много: приехали домой на праздничные дни студенты, собралась колхозная молодёжь и сельская интеллигенция; пришли люди старшего поколения полюбоваться своими детьми, внуками, а кое-кто и правнуками.

Дед Гузель, например, ни одного подобного мероприятия не пропускает, а годков-то ему о-го-го! Постоянно правнучку охраняет, почти всех кандидатов в зятя забраковал, остался только настырный Петро-физрук. Вон они воркуют, голубки, в самом тёмном уголке зала, пока дед не видит. Надо усыпить бдительность деда, отвлечь разговором о войне. Начнёт вспоминать свои партизанские подвиги – обо всём забудет. Даже о правнучке. Способ надёжный, проверенный на практике и всем известный.

К деду Гузелю и направилась Маша, но присесть не успела – пригласили на танец. Потом Егор закружил её в вальсе.

И только в самом конце вечера, когда было объявлено последнее, «прощальное», танго, Костя подошел к ней.

Маша будто плыла под грустную музыку, она растворялась в пространстве, во времени. Она тонула в бездонных Костиных глазах, похожих на два омута перед грозой, таких же зеленовато-серых, но очень тёплых и совсем не опасных.

Смолкла музыка, Костя, продолжая держать руку Маши в своей руке, одновременно и прохладной и обжигающей, подвёл её к Егору, кивнул им обоим в знак прощания и смешался с выходящей из клуба толпой.

Не включая света, чтобы не потревожить бабу, Маша быстро прошла на свою половину, сбросила куртку, села на кровать и прижала свои холодные ладони к пылающим щекам. Рука, которую держал в своей руке Костя, пахла терпким и горьковатым «Шипром».

Этот запах стал для Марии самым любимым на всю оставшуюся жизнь. Именно его, модный тогда, дефицитный и очень дорогой мужской одеколон она потом дарила мужьям своих подруг на их праздники.

Но там был уже другой запах, не Костин.

Незабываемый запах «Шипра», забываемая молодость.

Незабываемый пятый класс. Сколько же их было в её жизни, четвёртых и пятых, десятых и одиннадцатых? Сразу и не ответишь. Но этот пятый – особо памятный. Он был первым. Доверчивые, искренние, наивные дети! Маша была их классным руководителем, любила их, и они платили ей тем же.

– Марь-Петровна! С днём рождения!

– Мы купили подарок! В уценённом магазине.

– Смотрите, здесь вот бабушка сидит на пороге и корыто стоит.

– Корыто было сломано, наверное, Колька уронил, пока нёс.

– Марь-Петровна! Вы не расстраивайтесь, мы корыто уже склеили, нам Колькин батька помог.

Этот сувенир, фрагмент из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке», сделанный из папье-маше, Мария хранит до сих пор, хотя корыто, как ему и положено по сказочному сюжету, опять разбито, а старуха превратилась в пыль. Да и то сказать, возраст у неё, у пушкинской старухи, теперь должен быть более чем почтенный, если даже тогдашняя Маша сегодня тоже уже старуха.

Мария включила ночник, посмотрела на часы. Скорее бы утро, что ли. Встала, накинула тёплый халат, достала резную шкатулку. Это подарок последнего выпуска Марии, предпенсионного. В ней, очень вместительной, хранятся помещённый в полиэтиленовый пакет тот самый памятный подарок-сувенир, пустой флакон из-под одеколona «Шипр». И ещё маленький флакончик из-под польских духов с многообещающим названием «Быть может». Он тоже давно пустой, но Мария хранит его как память о том забываемом дне своего рождения.

Глава 8

Свои дни рождения Маша не любила. В детстве их отмечали только взрослые, а гости после второй рюмки напрочь забывали о виновнице торжества. Маме приходилось бегать от стола праздничного к столу кухонному, папе – развлекать гостей. В общем, зря родители

устраивали для неё этот праздник, лично ей он не был нужен. Были ли детские столы в пору её детства? Возможно, были. Она об этом ничего не знает.

В студенческую же пору Маша покупала сладости и устраивала комнатное чаепитие в общежитии.

Но теперь чаепитием с хозяйкой не обойдёшься, потому что прознало-таки село про тот день, когда Маша на свет появилась. Да и сама Маша уже отметилась на дне рождения своей подруги Люды, пришла её очередь. Негоже скрягой выглядеть. Что же придумать-то? Как организовать?

А пока Маша терзалась подобными мыслями, всё придумала, продумала и организовала её хозяйка. Приготовила студень, натушила картошки с мясом, сделала творожную запеканку, достала из погреба солёных огурчиков-помидорчиков, мочёных яблок, бутылку вишнёвой наливки трёхлетней давности и скомандовала:

– Кличь своих гостей!

Маша «кликнула».

Сколько потом было этих дней рождения! Были юбилеи, их отмечали в дорогих ресторанах, столы ломились от яств; была даже японская кухня. Но такого тёплого, домашнего, уютного праздника в жизни Марии больше не было. Никогда.

Первым пришёл, конечно же, Егор и передал бабке матерчатую сумку, в которой оказались два кольца вкуснейших в мире домашних колбас и шмат розового аппетитного сала. Это подарок от матери. Свой личный подарок: коробку конфет и парфюмерный набор, состоящий из крема и духов «Сирень» – вручил без всяких церемоний.

По-хозяйски оглядев «чистую» половину, Егор аккуратно переложил тетради и книги со стола на кровать, поставил его на середину комнаты, что-то прикинул, взъерошил волосы и вышел во двор. Вернулся с ещё одним столом, коротко бросив удивлённым бабке и Маше:

– Надо чтобы всем места хватило.

Стол накрыли домоткаными скатертями с вышитыми по краям какими-то диковинными птицами: не то короткохвостыми павлинами, не то длиннохвостыми гамбургскими петухами. Они вышиты самой бабкой. Но если учесть, что бабка не только видом не видывала павлинов или гамбургских петухов, но и слухом о них не слыхивала, значит, это просто её мечта о выведении нового вида домашней птицы, воплощённая в вышивке.

Лавки, заменявшие стулья, застелили половиками, тоже домоткаными. Предусмотрительный Егор, взявший на себя ответственность за оформление «банкетного зала», ещё вчера выбил из них всю пыль.

«Меню» составляли бабка и её кума Фаина, они же занимались и приготовлением блюд. Частенько бабка и её кума бывают «в контрах», потом мирятся, причина «конфронтации» никогда не разглашается. Маша подозревает, что к моменту примирения они её и сами уже не помнят.

Почему-то всегда в самый последний момент оказывается, что что-то забыли купить. Машин день рождения не исключение: оказалось, что забыли купить майонез и томатную пасту. Егору бежать было не с руки, он здесь всем нужен. Отправили никому не нужную Машу.

Магазин находился недалеко, но дорога напоминала каток. Именинница, проклиная гололед, майонез, томатную пасту и свой день рождения, кое-как доскользила до сельской торговой точки. Однако на этом злоключения не закончились, ей предстояло взять ещё один барьер – высокое, обледеневшее магазинное крыльцо. И как ни осторожно ступала Маша, на самой верхней ступеньке всё же поскользнулась. С отчаянным криком «Ой, мамочка!», она полетела с крыльца и едва не грохнулась вниз головой. Но чьи-то крепкие руки прервали этот опасный полёт.

– Мадемуазель, не торопитесь падать! – спаситель ловко подхватил девушку, бережно поставил на землю и, бросив взгляд на её модные сапожки на высоченных каблуках, удивлённо присвистнул:

– Ну и ну, как вы ещё до магазина добрались в этакой красоте да по такой гололедице?

– Костя? Это вы? – почему-то сразу севшим голосом спросила Маша, будто желая убедиться, что это не сон и что перед ней, действительно, Костя!

– Узнали? – улыбнулся он.

Господи, неужели он думает, что она может его не узнать? Какой смешной! Разве он сам не видит, как горят её щёки, как предательски дрожит её голос, как хочется ей посмотреть ему в глаза и как боится она это сделать?

Но Костя видел перед собой только испуганную падением молоденькую учительницу, торопящуюся по своим делам. Он помог ей подняться по ступенькам крыльца, подождал, пока она сделает покупки, проводил до дома, подстраховывая от возможного падения, и попрощался.

Никаких отношений между ними нет и быть не может: к серьёзным Костя не готов, а лёгких с ней не получится. Это он почему-то понял сразу, ещё на проводинах у Ильи. Вот не знает он ничего о ней, но сигнал, предупреждающий об угрозе его свободы, почему-то сработал в нём тогда мгновенно.

Да и чем он, простой деревенский парень, может быть интересен ей, этой чудной, милой девушке? Ничем. Отработает она положенные три года и укатит в город. К театрам, к благоустройству. Он же вернётся в село сразу после защиты диплома. Не по нему городская суета.

Хотя чем-то, вроде, и зацепила его она. Да нет, показалось, наверное.

Маша прижалась спиной к шершавой доске калитки и долго усмирляла своё разбушевавшееся сердце. Ну, почему она не пригласила его на свой праздник?

Повод был. Дура, ох, какая же ду-у-у-ра! Ушёл.

А, вообще-то, с чего она взяла, что он от её приглашения на радостях козлом скакать будет? Нет, Костю, скачущего козлом, Маша представить не могла. Но вот Костю, на котором гроздьями висят наглые девицы, представляла так, как будто видела это в щель между разошедшимися досками забора.

При мысли о соперницах, которых у неё, конечно же, пруд пруди, Маше сделалось ещё тоскливее. Да разве может она с кем-то соперничать, тем более, бороться за него? Между ней и Костей – «дистанция огромного размера». Уверенный в себе, красивый парень. И она, которая, по словам Юлии Павловны, ни богу свечка ни чёрту кочерга.

Девушка взглянула на часы, до прихода гостей оставалось не так уж и много времени.

Натянув на лицо дежурную улыбку, с радостным возгласом «а вот и я!» вошла в хату и увидела незнакомое лицо.

– Это моя двоюродная сестра Валентина, – представил «лицо» Егор. – А это Маша, именинница наша.

– Очень приятно, – ответила Маша. – Надеюсь, не откажетесь от нашего скромного торжества?

– Не откажется, не откажется, – опередила ответ Валентины бабка и, уже обращаясь к своей внучатой племяннице, приказала:

– Опосля застолья посуду мыть придёшь.

Валентина громко захохотала:

– Бабушка не меняется, её хлебом не корми, но позволь отдать приказ. Ладно, приду на праздник. И, возможно, не одна. А посуду мыть завтра с утра буду.

– Человек твой тоже приехал?

– Да нет, мой человек дома с дочкой остался. Меня вот отпустил на пару дней родителей проведать. Ну, ладно, я побегу. Попозже прибуду.

Стали накрывать на стол. Маша носила холодные закуски: толстыми ломтями нарезанное сало, капусту во вместительных мисках, огурцы и прочую нехитрую деревенскую снедь. Потом она мыла чарочки (их ещё называют полустаканчиками), протирала их полотняным ручником. Эта работа не мешала ей думать о своём.

Почему-то опять вспомнилась первая учительница.

Егор поставил перед Машей стопку тарелочек, а протёртые чарки начал расставлять на столе.

– Маша, а гостей-то сколь будет? – бабка переживала, хватит ли посуды.

Пересчитали гостей и посуду. Бабка отправила куму Фаину за недостающими приборами. Маша протирала теперь принесённые Егором тарелочки.

Якобы признавая правоту Юлии Павловны, девушка лукавила. Она давно уже избавилась от комплекса неполноценности.

Так что нет, не комплексовала девушка, а вспомнила о том, что когда-то была ни богу свечкой ни чёрту кочергой, просто так, чтоб себя ещё жальче стало. Да пусть этот Костя, обвешанный гроздьями девиц, развлекается в другом месте, а она будет праздновать день своего рождения и не думать о нём. Тоже мне, Чайльд-Гарольд выискался! Печорин местного разлива!

Вот и гости начали собираться. Будем веселиться.

Но сколько ни настраивала себя Маша на веселье, ей было почему-то очень грустно.

А в это время «Чайльд-Гарольд», он же «Печорин местного разлива», лежал на диване, пытался найти по транзистору что-либо стоящее и, ничего не подозревая ни о висящих на нем гроздьях, ни о том, что он с ними развлекается, предавался грустным размышлениям. И зачем он ехал на эти выходные домой? Лучше бы контрольной работой занялся, сессия на носу. Костя учился на заочном отделении сельхозакадемии на факультете автомеханики. Всё, завтра с утра возвращается в Гомель, на свой «сельмаш». Займётся работой, подготовится к сессии. Сюда теперь приедет не раньше Новогодних праздников. На один день. А может, и вообще не поедет.

Хлопнула входная дверь, кто-то пришёл. Мать, наверное. Нет. Соседка Валентина. Боевая подруга беззаботного детства. Верный друг на всю жизнь.

Глава 9

Валька была своим парнем и непререкаемым авторитетом не только среди ровесников, но и пацанов постарше. Она ловко лазила по деревьям и заборам, дольше всех могла продер-

жаться под водой, умела оглушительно свистеть и плевать сквозь зубы, играла в лапту, была третейским судьёй и карающей десницей, всегда защищала слабых.

Увидев её очередное изодранное платье, мать хваталась за голову и голосила на всё село:
– Оторва! Босячка! И в кого уродилась?
– Тебе лучше знать, – хохотал отец, обожавший «оторву» и прощавший ей абсолютно всё.

Валька была старше Кости на четыре года и, сколько он себя помнит, всегда опекала его. Вытирала ему слёзы, прикладывала к его ссадинам листья подорожника, не давала никому в обиду, научила стоять за себя.

Когда пятилетний Костя взял без спроса у матери рубль, чтобы купить Вальке на день рождения подарок, Валька заставила его положить рубль на место, объяснив, что этот рубль он украл, а воровать – это очень плохо, лучше попросить. Костя попросил, и мать сама дала ему этот рубль.

И только один раз она сделала ему больно. Это когда во втором классе он попробовал в кругу более взрослых ребят покурить.

Костя до сих пор не знает, как Валька тогда оказалась в нужное время в нужном месте, но налетела, как ураган, и вырвала из его рук спички и пачку «Севера». Она взяла из пачки одну папиросу, растоптала босыми ногами оставшиеся, разогнала всю компанию, а его за шкуру поволокла за хлев. Там, усадив начинающего курильщика на траву, неумело прикурила, закашлялась и папиросой прижгла ему губы.

Но и этого садистке было мало! Валька притащила его домой, силой затолкала его голову в печь и, схватив за вихры, тыча лицом в сажу, орала лихоматом:

– Видишь? Вот такое у тебя будет нутро, если будешь курить! Понял, паразит? Понял, антихрист?

«Антихрист» считалось самым страшным ругательным словом из всех нормативных ругательств. Его применяли в исключительных случаях. Применяли только взрослые и только родственники. Валька же была всего-навсего соседкой.

А потом она отмывала его, отстирывала его рубашку, смазывала обожжённые папиросой губы соком какого-то растения и плакала злыми слезами от жалости к нему.

Костина мать об этом ничего не узнала.

Костя больше не курил. Никогда.

Всё изменилось, когда Валька перешла в 9 класс, и на летние каникулы из города приехал Алик. Его всегда на лето отправляли к бабушке. Он раньше тоже был своим парнем: лазил по заборам, играл в лапту и плевал сквозь зубы.

Но в то лето, когда Валька перешла в 9 класс, что-то произошло. Валька стала носить чистенькие платица, беленькие носочки, перестала свистеть и плевать сквозь зубы. Алик почему-то тоже больше не хотел лазить по заборам и играть в лапту.

Наверное, они поругались, решила пацанва, заметив, как встретившись однажды возле клуба, пришедшие на детский сеанс Валька и Алик оба почему-то покраснели, поторопились разбежаться в разные стороны, а в клубе Валька села не с ними, со своими верными друзьями, а с девчонками. Нет, вы только подумайте! Сесть с презренными девчонками! Ух, как зол был на неё Костя!

Белые носочки Костя ей хоть и не простил, но с ними он уже как-то смирился. А тут! Променять их святое братство на девчонок! Нет ей, Вальке, прощения! Она предатель! Объявить ей бойкот!

Когда Костя поделился раздражающим его негодованием по поводу нравственного падения их бывшего предводителя с Аликом, тот повёл себя как-то странно – Вальку не осудил, предложения о бойкоте не поддержал и наотрез отказался от почётного лидерства в их святом братстве.

Нет, совсем ничего не понимает Костя в происходящем...

Через два года Валька поступила в ГГУ на филфак (кто бы мог подумать!), приезжала на праздники домой, летом ездила в стройотряд. Она первая в селе, поправ древние устои, надела брючный костюм, а летом полола грядки в одном купальнике, что, по мнению даже и не очень-то старых людей, было вершиной неприличия.

На все осуждения Валька, изобразив ужас на своём (кстати, очень похорошевшем) лице, отвечала одной и той же фразой:

«Ах, Боже мой! Что будет говорить княгиня Марья Алексевна?» (филфак-таки!) – и смеялась, весело и озорно.

Она ходила в кино, на танцы, но ни с кем из парней не заводила отношений более тесных, чем дружеские. Причину этого знал только Костя.

А потом Валька приехала домой с мужем, с тем самым Аликом, и стала для всех Валентиной. К тому времени брюки в селе носили чуть ли не все девушки, грядки пололи в купальниках дочери даже самых ярких сторонников патриархальных устоев, а Костя давно уже простил ей не только белые носочки, но и тот злополучный сеанс, когда она села с девчонками.

Они стали взрослыми.

Всё изменилось.

Не изменилось только прежнее отношение Вальки, теперь уже Валентины, к нему, Косте. Она, по-прежнему, его опекает, она, по-прежнему, спешит к нему по первому зову, даже если этот зов беззвучен.

Валька-Валентина! Как же ты вовремя!

Впрочем, ты всегда знала, когда появиться

Глава 10

Валентина вошла в комнату, присела на краешек дивана и потрепала Костю за волосы: – Подъём! На сборы пятнадцать минут, идём в гости.

Костя тряхнул головой. В гости так в гости – всё лучше, чем диван давить. Он, даже не поинтересовавшись, куда они пойдут, быстро собрался. По дороге Валентина объяснила, что идут они на день рождения к одной девушке, Костя её не знает, подарок для неё у Валентины есть.

Свёрток с подарком был увесистым.

– Книги? – спросил Костя, хотя и так видно было, что это они.

Ну, понятно, книги от Валентины. А ему что подарить имениннице?

Валентина умела читать Костины мысли, поэтому, не сговариваясь, они направились к магазину.

Теперь и у Кости есть подарок для новорожденной – пробивная подруга вырвала «из-под полы» самый что ни есть, по словам продавщицы, дефицит. Продавщице Костя не доверял, но правоту её слов подтвердила Валентина, и он успокоился. Теперь в кармане Костиной куртки уютно покоится миниатюрная коробочка, в которую помещён изящный флакончик с умопомрачительным ароматом и с загадочным названием «Быть может». Польские духи.

Дорога заняла не более двадцати минут, но чем ближе подходили к дому, тем тревожнее становилось у него на душе. А перед калиткой эта самая душа вообще ушла в пятки. Он догадался, кто родился в этот день! Что делать? Не идти? Но как объяснить это Валентине?

Вот это уже было что-то новенькое. Костя, всегда уверенный в себе Костя, душа любой компании и предмет воздыханий не одной особы роду женского, стоит с душой в пятках?!

– А, будь что будет! – с отчаянием обречённого решил Костя и вслед за Валентиной шагнул через порог.

Как ни странно, войдя в хату, он как-то сразу обрёл себя, стал опять сдержанным и слегка ироничным. Как и полагается, поздравил именинницу, пожелал всего того, что принято желать молодой девушке в такой день, вручил подарок и отошёл в сторонку.

Как и Косте, Маше тоже удалось справиться с собой. Разве что только глаза стали блестеть чуточку ярче да улыбка не сходит с лица. Ну, так улыбаться ей сегодня даже необходимо – её день, как-никак. Вежливо поблагодарила Костю за подарок, сказала, что очень рада его видеть. Всё правильно, стандартный набор слов радушной хозяйки. В общем, Маша собой была довольна. Пушкин тоже был бы доволен Машей, ведь сейчас она следует его совету. «Учитесь властвовать собой». Нет, если я ему не нужна, значит, и он мне тоже не нужен. Теперь я буду властвовать собой! А это всё пройдёт, пройдёт со временем. Быть может...

Вон он стоит, разговаривает о чём-то с Валентиной, даже улыбается ей! Хотя нет, зря я злюсь, что он улыбается Валентине, она уже замужем. Пусть уж лучше ей улыбается, чем незамужней пионервожатой Раисе. Боже, чём это я? Да пусть он улыбается, кому хочет, мне-то какое до этого дело! Я и думать-то о нём не стану!

Господи, только бы чаще видеть его улыбку! Неужели это любовь?

– К столу, все к столу! – раздалась команда Егора, решившего на правах Машиного друга и родственника хозяйки взять бразды правления в свои руки. Весёлая суматоха, и вот все заняли места. Маша оказалась между Валентиной и Егором, так скомандовала бабка:

– Родичей у тебя тут нет, Егор и Валентина теперь тебе самые близкие, потому что они мои внуки, а ты мне теперь, навроде, как дочка.

Так по воле бабки генеологическое древо Марии претерпело изменение – русская по национальности, сибирячка по рождению, она становится наполовину белоруской.

Бабкину речь завершил дружный хохот и гомон – каждый желал поздравить Машу с только что приобретёнными, «навроде, как племянниками».

И веселье начало набирать обороты. Вишнёвая наливка, разлитая сначала по бутылкам, а теперь по чарочкам, оказалась ох как хороша!

«До чего же душевно поют! В Сибири тоже поют, но как-то не так. Сколько шуток, добрых и очень забавных. А уж пожеланий-то мне отсыпали щедрой мерой! Вот, если все сбудутся? Нет, пусть сбудется то, которое от Валентины, там что-то про любовь взаимную до скончания века. Или света? Нет, кажется, всё-таки века. Ну, надо же, вспомнить не могу, как это там дословно. Надо будет записать. Какие они все милые, я их всех люблю, очень-очень! Сейчас

схожу за вишнями и скажу им об этом. И принесу блокнот, буду песни записывать. Ой, а чего голова закружилась? Наверное, душно здесь. Выйду на кухню».

Косте досталось место наискосок от Маши. Как ни старался он не смотреть на неё, девушка почему-то всё время попадала в поле его зрения.

Маша ничего не пила, почти ничего не ела, только время от времени прихватывала ложкой из блюда вишенку.

Странно как-то лакомится наша Мария Петровна, очень странно, подумал Костя. Консервированные вишни стоят на столе в баночках. Почему она ест из блюда, ведь из баночки брать скользкие ягоды гораздо удобнее? Кстати, а откуда она накладывает их в это блюдо? Банка-то с консервированными вишнями, что стоит прямо перед ней, совершенно не тронута?

И вдруг, как молнией шандарахнуло – чёрт побери! наливка!

Вишни закончились. Девушка, прихватив пустое блюдо, направилась в кухню. Костя вышел следом за ней.

– Мария Петровна, позвольте полюбопытствовать, где ягодки берёте?

– Вот здесь, – простодушно ответила Маша и показала на стоящую в углу бутылку.

– Ну, и как они вам?

– Вкуснятина! – она даже зажмурилась, демонстрируя высшую степень наслаждения.

Но хмель уже забродил в организме, совершенно не подготовленном к его приёму. Маша пошатнулась и уселась на лавку, глядя на Костю ничего не понимающими глазами.

– Значит так, – произнёс Костя, встряхивая бутылку перед её лицом и постучав по стеклу согнутым пальцем.

– Это – нельзя! Мария Петровна, вы меня слышите? Это – нельзя! Этот хмель похлеще спирта будет! А теперь одеваться – и на воздух! На воздух! Вы всё поняли?

Маша поняла всё. Она поняла, что этот наглый Костя (а какой же он ещё, если заставляет её, Машу, постоянно думать о нём?) отобрал у неё вкуснятину! Ему что, Машиного покоя мало?

– Отдай ягоды! – насупив брови, приказала девушка, перейдя на «ты». Топнула ногой. – Отдай, кому говорю?!

Ошарашенный Костя протянул ей бутылку:

– Возьмите.

– Так-то лучше, – Маша обеими руками прижала бутылку к себе – вдруг опять отбирать начнёт! – и покосилась на Костю.

Но тот стоял, привалившись плечом к дверному косяку, скрестив на груди руки, и на бутылку, похоже, больше не посягал.

Может, он тоже хотел вишен? Она из подлобья посмотрела на Костю и протянула ему ёмкость:

– На, ешь, мне не жалко. Здесь и тебе, и мне хватит.

– На двоих, значит? – расхохотался тот.

Лучше бы он этого не делал. Маша обиделась и передумала делиться. Есть вишни она передумала тоже.

Ишь, смеётся, стоит! Весело ему! Я тоже веселиться буду! Ему назло! Как же в белорусских сёлах веселятся? Наверное, как и везде. А везде-то как? А, вспомнила! Пляшут, поют частушки и кричат тоненьким голосом «И-и-и!».

А какую частушку им спеть?

Маша знала их много: и из фольклора, и так слышала. Но как на грех в её хмельной голове вертелась только одна, очень неприличная. Её всегда пела тетя Валя, которая приходила в гости к соседям напротив. Это в Сибири было, Маша ещё маленькая была тогда.

Мой конь вороной,
Белые копыта,
Скоро стану я большой,
...досыта.

Нет, такую нельзя. А то Костя подумает, что это Маша про мечту детскую свою поёт, и не придет больше. Зачем ему такая Маша, которая уже в детстве мечтала о нехорошем? Он же тетю Валю не знает.

Ладно, буду просто плясать. А частушки бабка с кумой Фаиной петь будут. Они много частушек знают. Маша их потом еще и про этого коня научит, когда Кости не будет. Про коня они не знают, потому что тоже не знают тетю Валю. Сейчас надены сапожки, когда пляшут, они ещё каблуками топают. Нет, не топают – стучат. Где мои сапожки? Бабка, кажется, их сушить на печь ставит всегда.

Маша поставила бутылку на лавку, не совсем твердыми шагами подошла к печке. Сапожки достать не могла, хоть несколько раз и пыталась подпрыгнуть, – высоко. Оглянулась на Костю. Он наблюдал за ней и улыбался. Приказала:

– Иди сюда!

Костя подошёл. Девушка показала пальцем на сапоги и скомандовала:

– Достань!

Ну, наконец-то, и до самой дошло, что сейчас ей надо на воздух. Протянул руку, снял сапожки, подал Маше. Она села на лавку, сняла туфельки и пинком загнала их под неё. Сдувая падающие на глаза непокорные пряди, с трудом обула один сапог, но заело замок. Дергала, дёргала – бесполезно. Костя стоял всё в той же своей излюбленной позе и ожидал очередной команды. Замок не поддавался.

Ну, и чёрт с ним, буду плясать в туфлях, решила она. Где они? Должны быть здесь. Наверное, под лавкой.

Маша заглянула под лавку, попыталась достать, но рука не дотягивалась. Тогда она встала на колени и полезла за туфлями.

Костя вытащил её из-под лавки, усадил, снял с печки бабкины стёганные бурки и, бросив взгляд на её маленькую ступню, прихватил ещё вязаные носки. А не то будет эта ступня болтаться в бурке, как пятак в пустом кошельке.

Он встал перед Машей на одно колено и начал её обувать. Натягивая носок, посмотрел на неё снизу вверх смеющимися глазами:

– А вы, Мария Петровна, оказывается, буйная во хмелю. Сочувствую вашему будущему мужу.

У Маши задрожали губы, а глаза стали наполняться слезами.

Костя растерялся:

– Ну, что вы, я же пошутил.

И выругал сам себя: идиот!

Из глаз Маши медленно выкатились две слезинки.

– Ну-ну-ну, успокойтесь, – он вытер их своим носовым платком.

– Вы не подумайте, я не пьяница, я только ягоды ела.

Маша опять перешла на «вы», она стала трезветь.

– Я видел, – кивнул головой Костя и обул ногу в бурок.

– Правда видели? – почему-то обрадовалась Маша. – Значит, вы на меня смотрели?

Лицо Кости запылало. Чтобы скрыть смущение, он наклонил голову и начал обувать её вторую ногу.

Но Маша вдруг заартачилась и спрятала её под лавку, сквозь замутнённое хмелем сознание пробился жгучий стыд за своё не совсем интеллигентное поведение.

Сначала Костя её уговаривал:

– Мария Петровна, ну, не капризничайте!

Потом разозлился, силой вытащил ногу из-под лавки, натянул на неё носок и бурок. Нашёл бахилы. Что же ей на голову-то? Увидел на полатах платок, обмотал им Машину голову, неумело завязал его концы и затолкал девушку в старый полушубок, лежавший на тех же полатах. Всё это он проделал с каким-то озлоблением, непонятным ему самому.

Злился на неё, на себя. Злился за то, что не может подавить в себе это совершенно новое чувство, появляющееся при встречах с Машей. Даже не знает, как и назвать-то всё это, потому что раньше никогда не испытывал ничего подобного.

Заглянув в «банкетный зал», он вызвал знаками Валентину и вкратце пересказал ей вишнёвую эпопею. Валентина вывела Машу на улицу.

Костя подобрал валяющиеся на полу модные сапожки на высоченных каблучках, проверил их «молнии», поставил на печку. Потом взял злосчастную бутылку и вытряхнул вишни в помойное ведро.

Валентина вывела Машу на улицу, заставила пить рассол и глубоко дышать.

– Слава Богу, Костя вовремя заметил, так и отравиться недолго, с непривычки-то. Тебе лучше?

– Лучше.

– Если наливка стояла в стеклянной посудине, то ничего не будет. А хмель от ягод проходит намного быстрее, чем от самой наливки. Но ягоды всё же лучше не есть, – Валентина стянула полы полушубка потуже и, придерживая их рукой, чтоб не расходились, обняла Машу.

Вдруг девушка заплакала, по-детски вытирая слёзы кулаками, потом с тоской в голосе проговорила:

– Я же не знала. Я никогда не ела вишен, ведь в Сибири их нет. А они такие вкусные! У нас черёмуху вишней называют, сибирской вишней. Но черёмуха – это не то.

Помолчала, потом спросила каким-то безжизненным голосом:

– Почему он вас попросил со мной побыть? Сам почему не вышел со мной на улицу? Ему что, было очень противно меня видеть... ну, такую?

– Ага, кажется, я что-то начинаю понимать! Ну-ка, девонька, вставай. Пошли в хату!

Но в хату войти они не успели, потому что Костя внёс в компанию предложение прогуляться до клуба, и оно было принято единогласно. В клуб вошли дружной весёлой толпой, и никто не обратил внимания, что Кости среди них нет.

Машино непреднамеренное пьянство гостями тоже замечено не было и прошло без последствий.

Глава 11

Костя уехал в Гомель утренним автобусом, как и планировал накануне. Закинув сумку в общежитие, он решил побродить по городу, привести в порядок свои растрёпанные мысли.

Через полтора месяца сессия. К ней он практически готов: курсовая зачтена, два экзамена сданы досрочно, «хвостов» нет, осталась одна контрольная. Значит, с академией всё более-менее в норме. Ещё немного, и диплом в кармане. А дальше что?

Впервые в жизни Костя задал себе этот вопрос. До вчерашнего дня всё было предельно понятно: работа, учёба, поездки на малую родину, волейбол.

Личная жизнь? Там тоже был полный порядок. До вчерашнего дня. Нет, пожалуй, раньше. До проводин у Ильи.

Конечно же, девушки у Кости были, он был очень красивым парнем. Высокий, плечистый. Волнистые чёрные волосы с каштановым отливом. Особенную притягательность имели его глаза – серо-зелёные, тёмные, похожие на два омута, и улыбка – мягкая, тёплая, обаятельная. Одним словом, он был одним из тех, кого в народе называют девичьей погибелью или бабьей присухой.

Вот и затягивал девушек этот серо-зеленый омут, и забывали они о том, что в нем их погибель.

Но серьёзных отношений с ними Костя не заводил, никому из них никогда ничего не обещал и от них ничего не требовал. Он их не бросал. Он их или отпускал в свободное плаванье, или выдавал замуж за своих же друзей, гулял на их свадьбах и потом поддерживал со всеми добрые отношения. Не силой выдавал, разумеется. Знакомил. А там уж они сами.

Правда, вот Вадику он, сам того не желая, свинью подложил. Не свинью, конечно, а Любу эту неверную. Да разве ж Костя знал, что она такой потом окажется? Когда с ней гулял, вроде, верной была, ни на одного парня не смотрела, только на него, на Костю. Так Костя кем ей приходился? Никем. А Вадик ей муж!

Тут как-то раз зашел Костя к ним – Вадик позвал приемник починить, а она давай на него, на Костю, пялиться, тоску в глазах изображать, пока муж в ящике с инструментами копался, нужную отвертку искал. Обиделся за друга Костя, починил приемник и сразу же ушел, хотя Вадик и предлагал вместе вечерок скоротать. Нечего ей, Любе, на других поглядывать, для этого муж есть. Как теперь смотреть другу в глаза? Сосватал, называется.

Хотя нет, Вадика-то он как раз и не сватал, Вадик сам, как потом выяснилось, давно эту Любу любил. Ещё до Кости. Да если бы Костя знал, он бы даже и не начинал встречаться с ней!

С девушками Костя был близок настолько, насколько они ему позволяли. Да и то не со всеми. Да и, вообще, это раньше было, сразу после армии, когда он ещё дураком был.

Потом понял, что им же замуж рано или поздно выходить придется, поскольку он-то жениться на них не собирается, поумнел и стал их жалеть. Теперь, если даже какая и соблазнила его переступить черту, Костя срочно или знакомил её с кем-нибудь, или отправлял в самостоятельный поиск. Понимал – пора! Он ведь тоже может не устоять, он ведь тоже живой человек, а не папой Карло сделанный.

Переступать черту Костя себе уже не позволял. Во всяком случае, старался не позволять. Вот только друзей холостых почти не осталось. Егор да ещё два-три приятеля. Всех переженил.

Правда, злые языки говорили, что кое-кто из его девушек выходит замуж ему назло. Так это наглое враньё. Костя же не злится на них. Наоборот. Всем ведь хорошо: и девушка счастлива, и он свободен.

Еще те же злые языки поговаривали, что Костя выдавал их за своих друзей уже не девушками. Тут он не спорил, потому что товар не проверял. Он только за двух мог ручаться головой.

Но их Костя с друзьями как раз и не знакомил. Он же не подлец! Девушки сами, после того, как с Костей расстались, себе мужей нашли. Вот как раз после этих-то двух он и стал жалеть дур молоденьких. Куда лезете? Ведь прекрасно понимаете, что Костя на вас жениться не собирается! Зачем же вы его, подлые, в грех-то тащите? Чтобы его потом совесть мучила?

Так вот Костя и жил, особо не заикливаясь на вопросе взаимоотношения полов. Он просто ещё никого не любил. Сердце было свободным.

Откуда ни возьмись, появилась эта Маша. Ну, погуляют они месяц-другой, а потом что? Выдать замуж? За кого? За Егора, например. А что, кандидатура вполне подходящая. Одни плюсы. Положительный со всех сторон и друг к тому же.

Но выдавать Машу замуж Костя почему-то не хотел. Ни за кого. Даже за положительного со всех сторон друга Егора.

Жениться самому? Потерять свободу? Свободой Костя очень дорожил.

Нет, определённо, что-то непонятное происходит с ним при встречах с этой Машей, только он не знает, как это называется. Свалилась же она на его, Костину, голову!

Он тряхнул головой, будто хотел сбросить свалившуюся на неё Машу, и решил:

– Хватит дурить, жил без неё – не умер. Значит, буду жить и дальше.

Это было, пожалуй, первое серьёзное решение, которое он принял без Валентины. О Маше он не мог сказать даже ей. Валентине он всегда говорит правду, значит, ему придётся признаться в том, что он боится этой девочки. Раньше Костя не боялся никого. Хотя и влюблялся. Даже два раза.

Глава 12

Первый раз Костя влюбился в четвёртом классе, когда его принимали в пионеры. Влюбился в пионервожатую Катю. Она была очень красивая, пахла духами, а «Взвейтесь кострами, синие ночи» пела так звонко и вдохновенно, что у Кости внутри что-то ёкало. Сердце, наверное. В песнях про любовь всегда про сердце слова есть.

Но Валька, которая уже изучала анатомию, сказала, что там, где у Кости ёкало, находится желудок.

На каждой перемене Костя бегал в Пионерскую комнату, выучил имена всех пионер-героев и научился горнить. Горнить ему не нравилось, но Кате нужен был запасной горнист, а Костя ради неё был готов на всё.

Ради неё он теперь умывался по утрам, мыл уши и шею, чистил зубы, подстригал ногти и причёсывал свой чуб. Даже стихи писать пробовал.

Валька говорила, что каждый влюблённый пишет стихи, потому что его любовь перевоплощается в Музу, посещает хлопца уже в её образе и вдохновляет не только на бессмертные строки, но даже на подвиги. Вальке Костя верил.

Но Муза всегда являлась к нему почему-то в образе одноимённой козы бабы Поли и ни на что не вдохновляла – наверное, возлюбленная Катя не умела перевоплощаться. В общем, если со стихами и не получилось, так это не его вина, а пионервожатой Кати и козы Музы.

Костя любил Катю целых две недели и ещё четыре дня. Потом увидел, как она целуется в Пионерской (святая святых!) комнате с учителем черчения, и разлюбил.

Правда, Валька говорила, что делать этого сразу нельзя ни в коем случае! Сначала полагается мучиться ревностью, затем необходимо еще отомстить счастливому сопернику – вызвать

на дуэль или залить тушью его костюм – и только потом со словами «О, женщины, как вы коварны!» покинуть изменницу навсегда. Глаза у Вальки при этом были опущены, и Костя не видел озорных чёртиков, которые в них плясали.

Муки ревности к Косте почему-то так и не пришли, а мстить учителю вообще не хотелось. Он хоть и соперником был, но Косте нравился – хорошо рисовал и умел играть на гитаре. Дуэлями у них в селе никто не занимался – без них работы хватало, а второго костюма у учителя не было. В чём он в школу ходить потом будет, если Костя его костюм тушью зальёт?

Тех мудреных слов, с которыми можно было, наконец-то, покинуть неверную Катю, он не запомнил.

Так и похоронил Костя свою первую любовь без обязательного ритуального обряда.

(Валька училась только в 8 классе и не могла присоветовать Косте финальных слов Карандышева из «Бесприданницы» Островского.)

До призыва на армейскую службу Костя встречался с молоденькой фельдшерницей Таней. Ходили на танцы, он её провожал, они целовались под цветущими яблонями. О любви, правда, как-то не говорили, потому что сами не знали, любовью ли они повязаны или просто взаимной симпатией.

Но, в отличие от них, люди знали, что у них именно любовь. Поверив людям, Костя и Таня решили пожениться, однако накануне подачи заявления в сельсовет Костя получил повестку из военкомата. Женитьбу пришлось отложить. На проводинах Таня плакала, обещала ждать, а через полгода вышла замуж за работника военкомата, уехала в райцентр и честно написала обо всём Косте.

После года службы Костя пришёл в отпуск. Как ни странно, он не стал напиваться и называть Таню теми словами, какими обычно называют экс-невест в таких случаях. Он просто пожал плечами, заочно пожелал Тане и её мужу совета, любви и всех благ, после чего поехал в военкомат отмечать документы.

До райцентра было всего пять километров, и Костя отправился туда на велосипеде. Отряхивая дорожную пыль с военной формы, он увидел Таню. Она смутилась, стала говорить что-то в своё оправдание, но Костя улыбнулся и перебил:

– Да не было никакой любви у нас с тобой, не было. Её нам люди навязали.

Спокойствие Кости по поводу замужества Тани село оценило по высшему баллу: молодец, марку держит, переживает, а виду не подаёт! В то, что он не держит никаких марок и, действительно, спокоен, никто не верил. Да Костя никого и не переубеждал, потому что теперь знал наверняка: людям о человеке всегда известно больше, чем этому человеку о самом себе.

Отпуск пролетел мгновенно. За это время Костя подружился с практиканткой Людой, студенткой ветфака, жившей на квартире по соседству с ним. По вечерам они сидели на лавочке в саду под раскидистой старой грушей, разговаривали обо всём на свете. Собеседницей девушка была отменной.

В последний вечер Люда задала странный вопрос:

– Ты вернёшься?

– Конечно, вернусь. Куда я денусь? – удивился Костя.

– Ты не понял. Ты вернёшься ко мне?

Костя пожал плечами. Что тут ответить? Что между ними было-то? Ни объятий, ни поцелуев. Общались, и всё.

Девушка помолчала, будто раздумывая, говорить или не говорить, и неожиданно для него, а, может, и для себя, сказала тихо, но очень твёрдо:

– А я ведь всё равно буду ждать тебя.

Костя медленно, будто отрывая одно слово от другого, произнёс:

– Не надо давать никому обещаний! Не надо! Обещаниями ты связываешь и себя, и того, кому их даёшь. Мне-то с этим что теперь прикажешь делать?

Она посмотрела на него и опустила голову:

– Я всё равно буду ждать.

И, действительно, ждёт его. Ждёт уже шесть лет. Окончила институт. Работает в колхозе ветврачом. Замуж не вышла, хотя сватались не раз. Причина её одиночества известна только ей. Да ещё Косте. Всезнающие люди на сей раз остались при своих интересах.

Ничего не обещал ей Костя, ничего между ними не было. А вот в её одиночестве чувствует себя виноватым.

Не надо было сидеть ему тогда с Людой под этой чёртовой грушей. Не надо было и ей заглядывать в этот серо-зелёный омут. Не знала она, как это опасно. Затянуло вот – не выберется.

На самом же деле серьёзным он был, этот Костя. И девушек менял с реактивной скоростью вовсе не оттого, что жаждал новых приключений или спешил подарить счастье своим друзьям. Он просто искал ту, единственную, и боялся её встретить. Вот только сам об этом даже не подозревал.

Глава 13

После дня своего рождения Маша проснулась поздно. В хате было тихо, значит, бабка уже ушла в «церкву».

Как таковой, церкви в селе давно уже не было, церковью называли дом бабы Веры, куда по воскресным дням и по религиозным праздникам собирались старушки. Службу вёл самый, что ни есть настоящий батюшка, потомственный. Отец его, тоже батюшка, был выслан в Сибирь за то, что поил людей каким-то опиумом, бабка сама слышала от тогдашнего секретаря сельсовета.

Только неправда всё это. Просто дом батюшкин приглянулся иродам. Но Бога в селе не забывали, и место отца занял сын. Тайно, правда. А отец Никодим так и сгинул в этой каторжной Сибири.

При этих словах бабка крестится, шепчет какую-то молитву и вытирает глаза уголком передника. А плачет она редко. Видно, и впрямь отец Никодим был хорошим человеком, и осудили его по ошибке.

Маша видела сына сгинувшего на её родине отца Никодима, он приходил к бабке по каким-то надобностям. Обычный старик и классическому образу священника никак не соответствует.

Бабка говорила, что в войну он был в партизанах: лечил раненых, несколько раз ходил в разведку и сам был дважды «прострелян». После Победы его даже хотели наградить, но вла-

сти так долго решали этот вопрос, что прошло десять лет. А к тому времени он опять стал батюшкой.

Пришедшая мыть посуду Валентина заглянула в «чистую» половину, кивнула Маше в знак приветствия и со словами «начнём благословясь» принялась за дело. Маша и сама бы убрала всё. И посуду бы перемыла, и полы. Но вот как вытащить из печки чугунок с горячей водой? Этого делать она не умела, о чём и сказала Валентине.

– Ничего, замуж выйдешь, свекруха всему научит, – успокоила её та.

Замуж? Маша покраснела.

– Да не рдей ты так! Все там будете, кто ещё в девках бродит, – засмеялась Валентина.

Она ловким движением выдернула из печки этот страшный ведёрный чугунок и поставила на припечек. Работа закипела.

Из репродуктора неслись бравурные марши, потом их сменили песни советских композиторов. Маша повеселела и даже стала подпевать:

– Эх, хорошо в стране советской жить...

– Ты уверена? – покосилась на неё Валентина.

– Что? – не поняла Маша

– Ты уверена, что в стране советской жить хорошо?

Ну, Валентина, вот даёт! Кто же в этом не уверен? Шутница, однако.

Но Валентина смотрела как-то непривычно серьёзно и, кажется, ждала ответа.

Ответ последовал. Он был похож на политинформацию о достижениях нашей великой и могучей, на фоне которых загнивающий капитализм кажется совсем гнилым, и...

– Хватит, – поморщилась Валентина. – А если серьёзно?

Маша опешила:

– Так я серьёзно и говорю.

Валентина посмотрела на неё долгим взглядом, вздохнула и продолжила мыть посуду.

Мария до сих пор не может понять, как могли зомбировать целое поколение? Её поколение! Как умудрились целому поколению забить мозги идеологическим бредом марксизма-ленинизма и научного коммунизма? К счастью, ей, Марии, встретила Валентина.

Не раз они вели полемику на тему «Я другой такой страны не знаю».

Но однажды Валентина, раскалившись добела от спора с идейной Машей, в порыве ярости швырнёт ей в лицо самиздатовский «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

– Возможно, я скоро увижу твою родину – от таких, как ты, с запудренными мозгами, можно ожидать чего угодно! Заяви на меня в КГБ – награду получишь! Но прежде узнай правду о своей партии и подумай, куда она нас вела и продолжает вести!

Открыв дверь пинком, Валентина выскочит из хаты. Постоит, остудит гнев на холодном ветру, вернётся назад, сядет рядом и устало произнесёт:

– Прячь и никому не показывай. Иначе вместе загремим.

– В Сибирь?

Маша хотела шуткой стереть то, что вдруг развело их в разные стороны. Она любила Валентину. Но Валентина шутки не приняла и ответила очень серьёзно:

– Нет, милая. В психушку.

Валентина тоже любила Машу.

«Архипелаг ГУЛАГ» потрясёт идейную комсомолку. Она поймет, что отец Никодим сгинул не по ошибке – его перемололи беспощадные жернова системы. И не его одного.

Положив прочитанную хронику под матрац, Маша вытащит из кипы общих тетрадей одну, со своими стихами, найдёт самое патриотическое, написанное в пятом классе, пробежит взглядом по последнему четверостишию.

Я буду жить, как нам Ильич велел,
Честно буду жить и хорошо учиться.
И у порога самых трудных дел
Совет вождя не даст остановиться!

Этот бред она читала на школьном концерте, посвящённом Дню Советской Армии и Военно-морского флота. Ей тогда долго аплодировали.

Девушка поморщится, как от зубной боли, и начнёт вырывать листы. Вырывать не читая. Вырывать спокойно и методично. Грудю скомканной бумаги отнесёт бабке на растопку.

Потом она узнает о диссидентах и о наказании за их инакомыслие. Местом отбывания наказания им назначается дурдом. Пожизненно. Там, в психзоне, есть всё, чтобы эти люди, действительно, стали психбольными.

Валентина была инакомыслящей. Истинную правду о партии она узнала, будучи ещё студенткой.

Университетское общежитие гудело потревоженным улеем: у Савчука из 111 комнаты нашли литературу, порочащую наш государственный строй! Советский студент, комсомолец, читает это и даже распространяет! Уму непостижимо! Долой его из нашего университета! Долой тех, кто жил с ним в одной комнате – они не могли не знать, что лежит под матрацем на его кровати! Нет им места в рядах будущих строителей коммунизма! Благодаря бдительности нашего товарища эти негодяи разоблачены!

В комнате жили четыре человека. Остался один. Тот, который не только знал, что лежит под матрацем на кровати у Савчука, но и доложил об этом куда следует.

Под матрацем лежал «Один день Ивана Денисовича». Савчук давал читать это Валентине. Они были единомышленниками, они оба были инакомыслящими. А ещё они были друзьями.

Столкнувшись с «бдительной» сволочью в пустой умывальной комнате общежития, Валентина плюнула ему в лицо и закатила такую оплеуху натренированной с детства рукой, что тот не устоял на ногах.

Размазывая по лицу кровь из разбитого носа, «бдительный» возопил:

– Завтра же пойдёшь вслед за своими дружками! Думаешь, я не знаю, что ты тоже читаешь Солженицына? Сука!

Валентина подошла к нему, рывком подняла его с пола и ещё раз ударила. Удар был коротким, резким. Она знала, как бить и куда. Тоже с детства.

– Это – за суку.

– Всё, тебе конец! Завтра у тебя обязательно найдут то, что нашли у твоего Савчука! – хрипел дважды поверженный стукач.

– Вообще-то, с тебя станется, – как бы в раздумье проговорила Валентина. Сняла с себя юбку, аккуратно надорвала ткань возле шва и рванула. Оглядела свою работу и осталась довольна – зашить можно. Окинув насмешливо-презрительным взглядом всё ещё корчащегося на полу негодяя, осталась довольна и этой работой.

А потом, скрестив руки на груди и прислонясь к стене, глядя прямо ему в глаза, спокойным голосом проговорила по слогам:

– По-мо-ги-те. На-си-лу-ют.

От удивления тот даже корчиться перестал – удивление оказалось сильнее боли.

– Да кто тебе поверит? Кто тебя насиловать будет?

– Правильно, – согласилась девушка. – Насиловать меня никто не отважится. А вот твоё «кто поверит?» можно и проверить. Ну, так как, найдут у меня Солженицына или нет? Проверим?

Рисковать он не хотел.

– Мразь! – она плюнула ещё раз. Сквозь зубы. Как в детстве. И вышла из умывальной комнаты.

Валентина зашила юбку и благополучно сдала в ней летнюю сессию за третий курс.

А через десять лет судьба вновь столкнет их лицом к лицу, только не в умывальной комнате общежития, а в Обкоме партии. Там «бдительный» будет делать свою карьеру теперь уже в отделе идеологической работы

(где же ещё мог он быть более полезен Родине и партии?), туда же по служебным делам придет и Валентина. Они в упор не увидят друг друга.

Куда дели Савчука и двоих его товарищей, никто не знает. ГУЛАГ продолжал служить системе, просто зоны переместились в больничные корпуса психиатрических лечебниц.

Тогда, в начале 70-х, Солженицын, донесший всему миру правду о творившемся в СССР беспределе, уже получивший за «Один день Ивана Денисовича» Нобелевскую премию, читаемый за железным занавесом, в своём отечестве был изгоем. Молодежь в основной своей массе твердо и совершенно искренне верила в марксизм-ленинизм, в то, что народ и партия едины, и не верила ему. Не читала. Произведения опального писателя были недоступны. Точнее, запрещены. Тех, кто нарушал вето, наказывали психзоной.

Всё правильно – только больной человек будет читать клевету на наш справедливейший во всем мире строй и, тем более, ей верить.

В нашей «великой и могучей», а, главное, «свободной» стране все нормальные люди это понимали ещё в раннем возрасте, с детства. Разумеется, самого счастливого во всем мире.

Мария вспомнила, как Маша оформляла стенд «Два мира – два детства».

Лист ватмана она разделила на две равные части, одну закрасила черной гуашью, другую оставила белой и наклеила вырезанные из журналов картинки с изображением детей. На белую – чистеньких, сытеньких, жизнерадостных. На чёрную – грязных, голодных, оборванных, озлобленных. Какие дети какому миру принадлежат, понятно без комментариев.

Хороший был стенд, подумала Мария, и название хорошее. Главное, понять надо было правильно, где – мир советского детства, а где – мир детства в «загнивающем» капитализме.

Только ведь тогда поголовное большинство, в том числе и сама Маша, видело весь мир через фокус теодолита. Или как на проявленной фотопленке. Задуматься бы людям над этим стендом, разглядеть, где черное, а где белое.

Тот стенд сделан был для очень важных гостей. В декабре ожидалась министерская проверка.

Глава 14

Маша панически боялась министерской проверки. Она уже несколько раз перекраивала поурочные планы, корректировала тематические, воспитательную же работу со своим пятым вообще заново спланировала. Маша перечитывала методички, а журналы «Русский язык в школе» и «Литература в школе» заменяли ей подушку – на них Маша засыпала.

Бабка ходила на цыпочках, старалась не греметь ухватами и вкуснее накормить свою наречённую дочку.

Петро-физрук, хоть и был безответственным шалопаем, проникся к ней сочувствием. Видя, как Маша грустит над не эстетическим видом наглядных пособий, он решил дать им второе рождение. Раздобыв несколько листов плотной бумаги и отменив свидание с правнучкой деда Гузеля, он занялся приведением полумакулатуры в божеский вид. Маша была на подхвате: подай, придержи, убери.

Оказалось, что Петро не такой уж и безответственный – дело, за которое он взялся сам, не по поручению комсорга, довел до конца. В общем, наглядные пособия, после того, как Петро приложил к ним руки, выглядели вполне прилично.

Но в школе никакого ажиотажа не наблюдалось.

В учительской математичка и географичка обсуждают последние деревенские новости. Биологичка, у которой недавно отелилась корова, делится с пожилой учительницей начальных классов своими переживаниями за телёнка – выживет ли? слабый он уж больно. Физик с директором школы вот уже третий день на всех переменах играют в шахматы и никак не доведут партию до конца. Маше кажется, что даже приезд самого министра не оторвёт их от шахматной доски.

– И давно они увлекаются этим видом спорта? – спросила она у Людмилы Яковлевны, кивнув на шахматистов. Людмила Яковлевна была завучем и вела уроки литературы в старших классах.

– Да лет двадцать, наверное, – ответила та, продолжая искать очки на заваленном всевозможными бумагами своём рабочем столе. – Ну, куда они, холера их побери, подевались?

Очки были у неё на лбу. Как всегда.

В общем, в школе всё было, как всегда.

О комиссии, которая едет аж из самого Минска проверять, как работает её Маша, бабка узнала от вездесущей кумы Фаины. Самой-то бабке некогда по деревне бегать, новости собирать. У неё вон корова не сегодня-завтра отелиться должна, да и за Машей уход потребен. У кумы-то коровы нет. Квартирантки тоже.

Теперь бабка поняла, почему Маша плохо ест и спит со своими журналами под головой.

Надо идти к Яковлевне, решила бабка, она начальник в школе, она поможет бедному дитю, заслонит от напасти. А что любая комиссия – это напасть, бабка знает наверняка.

Людмила Яковлевна готовила ужин, когда вошла Машина хозяйка.

Поздоровались. И бабка сразу приступила к главному.

– Неладное с моей жиличкой что-то творится, Яковлевна, ох, неладное, – запричитала она, удобнее усаживаясь на предложенную хозяйкой табуретку.

– Что такое? – встревожилась Людмила Яковлевна.

– Да не спит, не ест, исхудала вся, как былиночка.

Бабка поднесла к глазам платочек, зорко наблюдая, достаточно ли прониклась её горем собеседница. Увидела в глазах той неподдельную тревогу и, удовлетворённая результатом, опять поднесла платочек к глазам.

– Может, влюбилась наша Мария Петровна? – предположила Людмила Яковлевна.

– Окстись! – вызверилась бабка, напрочь позабыв, что она собиралась давить на жалость доброй женщины. – Чего несёшь-то? Девка себя блюдёт, не шастает, как некоторые.

Оскорблённая бабка поджала губы.

Тут она допустила промах – кинула камень в огород хозяйки дома. Золовка Людмилы Яковлевны, сестра Григория, «принесла в подоле».

Спихватившись, бабка опять поднесла платочек к глазам.

– Всё с книгами она, всё с тетрадками. До любви ли ей, моей касатке? Комиссия тут какая-то едет к вам, боится она, сердечная, её, комиссию-то эту, будь она неладна. Ты бы уж, Яковлевна, как-нибудь заслонила её от этой напасти-то.

Пронесло ли с золовкой-то? Навроде, пронесло, слава те, Господи! Бабка перевела дух.

– Я тут яичек немного подсобрала. Тебе самой-то когда с хозяйством возиться?

Засуетилась, вытащила из сетки коробку из-под обуви и поставила её на лавку, но платочек на всякий случай держала в руках.

Людмила Яковлевна засмеялась:

– Ладно, заслону.

Бабка даже и не подозревала, что для Людмилы Яковлевны подобные визиты не редкость. То одна, то другая старушка идёт к ней за послаблением для своей жилички. Прикипают они, одинокие бабки, к ним всей душой, отдают им всю нерастраченную любовь свою. Случается, замуж их выдают. Так выдали когда-то и её, Людмилу.

Замуж она сама, конечно, вышла. По любви. Но в мужний-то дом перебиралась она из хаты бабы Лиды. Баба Лида и Лёньку потом нянчила, и Ванятку. Одинокая была.

Сколько же их, проводивших на войну своих мужей, вдовами остались? Вот и Машина бабка из их числа.

Не все они хотят отдавать своих квартиранток за местных хлопцев. И не всегда потому, что считают тех недостойными, а потому, что не желают своим дочечкам – внучечкам тяжелой жизни сельской женщины, где от работы продыху нет. Разве только за своего кого, проверенного и надежного. Баба Лида вот выдала Людмилу Яковлевну только за племянника Григория и до самой своей смерти была убеждена, что именно она создала из них такую хорошую семью.

Ждут бабки для своих принцесс королевичей, а своих хлопцев гонят от двора подальше. Случается, не только от двора, а и на край села гонят.

Людмила Яковлевна улыбнулась, вспомнив тётку Аграфену, к которой поселили молоденькую выпускницу педучилища Люсю. Девочка городская, избалованная, капризная. Но тётка Аграфена души в ней не чаяла.

А осенью пришёл из Армии Иван Майсюк, родственник Григория, и приударил за Люсей. Проходу не давал. Тётка Аграфена и по-хорошему с ним, и палкой его по селу гоняла. Бесплезно. Люблю её, говорит, и всё! Обратилась тогда тётка Аграфена к ним за подмогой. Урезоньте этого шалопута, чтоб ему ни дна, ни покрывки, прости Господи! Людмила Яковлевна только руками развела, что тут поделаешь? Любовь.

Ох, и взъярилась же тогда тётка Аграфена! Реакция сегодняшней визитёрши на слово «любовь» – это просто «тьфу!» по сравнению с той, что была тогда!

Иван и её Люсенька? Это с какого же дуба надо было ей, Людмиле Яковлевне, рухнуть и чем удариться, чтоб такое сказать?!

А Людмила Яковлевна, глядя на разбушевавшуюся старушку, вдруг отчётливо поняла: у Ивана самая что ни есть настоящая любовь, если он не побоялся даже тётки Аграфены! Это поняла и Люся.

На свадьбе тётка Аграфена громче всех кричала «Горько!», целовала Ивана и называла сыночком.

Приходили к ней, к Людмиле Яковлевне, приходили и к Григорию. Он был парторгом.

Николай с Ариной и жили-то, вроде, хорошо. Но, как говорится, седина в бороду, а бес в ребро. Хотя, пожалуй, до седины тогда было ещё далековато.

Ушёл Николай от Арины к вдовствующей Катерине. Арина со слезами – к Григорию. Так, мол, и так, помоги, Алексеич, мужик как с цепи сорвался, ты там по партийной линии прижучь его, окаянного. Сделай, чтобы он даже в сторону этой лярвы не смотрел!

Николай был партийным.

«Прижучил» Григорий «сорвавшегося с цепи окаянного» Николая. Привязал к будке партбилетом. Но смотреть-то не запретишь! Вот и смотрит Николай теперь в сторону Катериного двора выжженными болью глазами и разве что только не воеет от лютой тоски. Теперь-то и появилась у него седина. В тридцать четыре года.

А сама Арина? Стала ли она счастливой после того, как Григорий изгнал того беса, в ребро который? Кто теперь для неё Николай? Пленник.

Да, все мы заложники коммунистической морали, вздохнула Людмила Яковлевна. Она тоже была членом КПСС.

На выпад Машиной бабки Людмила Яковлевна не обиделась и намёка на гулящую золовку решила не заметить. Здесь всё правильно.

А Маша девушка хорошая, серьёзная и пришлась ко двору, видимо, не только в школе. Они бы прекрасной парой были, Маша и Егор. Как знать, может ей, Людмиле Яковлевне, ещё доведётся и на их свадьбе посажёной матерью быть, как уже не раз доводилось за столько-то лет работы в этой школе.

Егора Людмила Яковлевна учила, он сидел за одной партой с Костей Моисеенко. Не разлей вода, как говорится. Хорошие ребята. Озорничали в меру, учились неплохо. Они и сейчас дружат. На Октябрьские праздники видела их вместе на клубном крыльце. Шутили, смеялись. Нет, хорошие ребята, хорошие.

А поговорить с Машей, конечно, надо. Давно пора бы, да всё некогда. Не в себе она последнее время. Может, и впрямь проверки страшится? Что ж, её понять можно, первый год работает. Со временем привыкнет. Сама-то Людмила Яковлевна давно уже не боится никаких комиссий, никаких проверок. Теперь вот она должна помочь этой девочке преодолеть страх перед всеми, кто стоит выше, как когда-то помогли ей. Такая в их школе традиция. Эстафета поколений.

У Маши было «окно». Она сидела на диване в учительской и просматривала свежий номер «Литературной газеты».

«Да, вид у неё и впрямь не очень», – подумала Людмила Яковлевна и села рядом:

– Устала?

Маша пожала плечами:

– Да, вроде, нет. Ещё только один урок прошёл.

– Я не о том. Вижу, тревожит тебя что-то, может, помочь смогу?

Девушка посмотрела на Людмилу Яковлевну:

– Скажите, ведь министерская проверка-это очень серьёзно, а все ведут себя так, как будто ничего не ожидается. В шахматы вон играют.

Маша кивнула в сторону стола, на котором стояли готовые продолжить сражение на предстоящей перемене шахматные фигуры.

Та улыбнулась, обняла Машу за плечи:

– Девочка моя, каких только проверок на своём веку мы не видели! Привыкли уже. И ты привыкнешь. Не ради оценки проверяющих инспекторов мы работаем, а ради детей. Они и есть наши главные проверяющие. Комиссии приезжают и уезжают. А дети всегда с нами. Всё видят. Всё знают. Много прощают. Даже грубость.

Но если ты не будешь знать предмета, который преподаёшь, вот этого тебе они не простят никогда! Запомни это, Маша.

И, чуть помедлив, добавила:

– Сейчас ты ещё не имеешь достаточного опыта и тебе простительно пользоваться планами. Но ты должна через год-другой от них избавиться. Все, что сейчас пишешь в тетради, должно быть в твоей голове. Каждое слово!

Маша посещала уроки литературы у Людмилы Яковлевны и была от них в восторге. Но она как-то не придавала значения тому, что на столе не было ничего, кроме изучаемого произведения и классного журнала.

– А планы тогда зачем же писать? – удивилась она. – Вот вы ими не пользуетесь, а тоже пишете.

– Для проверяющих, девочка моя, для проверяющих, – опять улыбнулась Людмила Яковлевна, погладила Машу по спине, поднялась с дивана и села за свой рабочий стол. Достав из кошелька два рубля, протянула девушке:

– Отдай хозяйке, я у неё яйца покупала.

И Маша перестала бояться министерской проверки. После этого разговора с Людмилой Яковлевной она вообще перестала бояться чьих-то оценок её работы, потому что твёрдо знала: право оценивать её работу дано только её ученикам!

А вскоре она перестанет пользоваться и поурочными планами, ведь дети не верят учителю, который ведёт урок по тетрадке. Но главное то, что она не имеет права идти к ним, не зная того предмета, который преподаёт. Дети ей этого не простят.

Так сказала Людмила Яковлевна.

Впервые за последние две недели Маша возвращалась домой в приподнятом настроении. Она постучала сапожком о сапожок, сбивая снег с каблучков, и вошла в хату. Бабка засуетилась, стала вытаскивать из печи чугунок с борщом, горшочек с фаршированными блинами в сметане, попутно пересказывая полученные от кумы Фаины сельские новости.

– Это Людмила Яковлевна передала за яйца, – Маша протянула ей деньги.

Бабка расстроилась (не захотела дитю помочь, злыдня!). Но Маша пришла из школы повеселевшая, с аппетитом пообедала, бабка чуточку успокоилась и даже немного простила Людмилу Яковлевну. А когда вечером девушка легла спать не на журналах, а на подушке да ещё сразу заснула, «злыдня» была реабилитирована окончательно.

Стоя перед потемневшими иконами, бабка долго молилась. Она благодарила всех святых угодников за ниспосланный покой рабе божьей Марии, молила их послать ей долю счастливую, здоровья ей и деткам её предбудущим. Не была забыта в молитвах и раба божья Людмила, «аки вразумившая чадо глупое, неразумное» – хоть Людмила и партийная, но тоже человек, значит, раба божья.

Перекрестившись в последний раз и поклонившись образам, перекрестив спящую Машу, бабка с чувством выполненного долга улеглась на свои полати.

В дом, наконец, вернулся долгожданный покой.

Глава 15

Костю так же, как и Машу, закружил водоворот неотложных дел. После работы – тренировки перед городскими соревнованиями по волейболу, по вечерам – подготовка к сессии. Он с трудом выкраивал время, чтобы навестить Валентину. С Аликом, теперь уж Альбертом Леонидовичем, инженером «Гомсельмаша», он часто встречался на заводе, перекидывался парой слов. А вот Валентину видел крайне редко.

Сегодня воскресенье, можно съездить.

Они занималисьстряпнёй. Валентина – в халате, в растоптанных тапочках и с косынкой на голове – раскатывала тесто, вырезала бокалом кружочки. Алик накладывал на них мясной фарш и ловко превращал все это в пирожки.

Костя попробовал повторить манипуляции Алика. Нет, вышел безобразный комок из теста и мяса.

– Как это у тебя получается?

– Женись, и у тебя получаться будет, – подмигнув Валентине, ответил Алик и добавил с гордостью: – Я даже кексы стряпал!

– Молчи уж, кулинар, – Валентина шутливо щелкнула его по лбу пальцами. – Хорошо, хоть кухню тогда помыть успел к моему приходу.

Она полотенцем вытерла муку со лба мужа и отправила их в комнату.

– Дальше я сама. Лерку отгоните от телевизора.

Потом они пили чай с этими пирожками. И было так хорошо, так уютно в этой малометражке, что Костя впервые в жизни позавидовал чужому счастью. Он вдруг тоже захотел, чтобы любимая женщина в домашнем халатике раскатывала тесто, шутливо щёлкала его по лбу,

потом вытирала полотенцем муку с его лба. А он, Костя, лепил бы это кулинарное чудо так же ловко, как Алик. Но для того, чтобы чудо получилось, надо, оказывается, жениться.

Уже подходя к общежитию, Костя подумал:

– Интересно, а Маша умеет стряпать пирожки?

Маша умела стряпать пирожки, но в это самое время она стряпала сибирские пельмени.

Решение устроить праздничный ужин по поводу окончания страшной министерской проверки приняли бабка и её кума Фаина. Маша предложила сделать пельмени. Но ни бабка, ни её кума не знали, что это за блюдо. Девушка не стала долго объяснять, распределила обязанности, и все принялись за дело. Кума Фаина крутила мясо, бабка чистила лук и чеснок, Маша готовила тесто.

Заскочивший «на минутку» Егор был «срочно мобилизован» кумой Фаиной, которой крутить мясорубку уже надоело.

Потом Маша учила их лепить пельмени. Как ни странно, Егор быстрее всех освоил эту премудрость. Не сразу, но и у бабки стало неплохо получаться. Кума Фаина, испортив два кружочка теста, поплакалась на свои больные пальцы, наотрез отказалась от дальнейшего участия в этом занятии, а потом так и вообще выразила откровенное сомнение во вкусовых качествах этого блюда.

– Мясо в тесте и варить в воде? Ну, и что получится? – бурчала она. – Лучше бы котлет налепили, быстрее бы было.

– Молчи, куда тебе торопиться-то? На тот свет успеешь, – попыталась урезонить её бабка. Пока мирно.

– А вот поедим это варево и пойдём туда с тобой вместе. Кишки-то склеятся, – задрезжала старческим смехом кума Фаина. Она была с юмором.

У бабки с юмором было хуже. Слова кумы Фаины и её дребезжание показались ей крайне неуважительными по отношению к Машиному блюду, следовательно, и к самой Маше:

– Не хочешь – не ешь, а варево не цепляй!

Запахло конфронтацией новой волны и сварившимися пельменями. Победили пельмени.

Сибирское блюдо понравилось всем. Кума Фаина попросила добавки. Потом, обнявшись, прислонив головы, старушки пели протяжные белорусские песни, Егор им подпевал, а самую Машину любимую «Туман яром, туман долиною» пели уже вчетвером.

Укладываясь спать, Маша подумала:

– Интересно, а понравились бы пельмени Косте?

Глава 16

На следующий день стояла такая чудесная погода, что после уроков молодым учителям не хотелось расходиться по домам. Тут же, на школьном крыльце, приняли решение пройтись по райцентровским магазинам. Приближается Новый год, и всем хотелось порадовать себя, а заодно и ещё кого-нибудь, чем-то новеньким.

Петро-физрук для своей возлюбленной приобрел, по совету Люды, легкий газовый шарфик, носовой платок и крем для рук. Себя он порадовал новыми гантелями и кружкой пива.

Маша купила для бабки коробку зефира и тонкий платок из батиста, а себе в книжном отделе «Универмага» приобрела сборник произведений Якуба Колоса и портрет своего любимого поэта Сергея Есенина.

Батистовый платок бабка сразу же положила в узелок, где была одежда «на смерть», зефир припрятала до рождества, а Сергея Есенина заметила только на следующий день, когда Маша была в школе.

Она долго и ревниво всматривалась в портрет, появившийся на Машинном столе.

Не из нашего села – у нас хлопцы трубками не балуются, папиросы курят. Надо у кумы спросить.

Кума Фаина была мобильнее бабки, знала всех в округе, но тоже не признала в нём никого из своих, да и в двух ближайших сёлах этого хлопца не встречала.

– Из Сибири, наверное, – предположила бабка.

Детально изучив портрет со всех сторон, кума Фаина авторитетно заявила:

– Не, не из Сибири. Такие портреты делают у Минску. Ты же видела мой портрет? А портрет Юрик дома делал, у Минску.

И правда, как же она, бабка, забыла? Внук кумы Фаины, студент Юрик, весь свет в её окошке, частенько навещает свою бабулю (это он так её называет). Позапрошлым летом сфотографировал её на карточку. Она, бабка, тогда ей ещё платок свой праздничный давала, очень он куме Фаине нравится. А потом Юрик привёз точно такой же портрет.

Платок на портрете получился ещё красивше, чем на самом деле. Кума Фаина тоже. Бабка тогда рассматривала портрет и тайно завидовала.

Не тому завидовала, что кума на портрете красивая (люди же видят, какая она на самом деле, и не будет же кума портрет заместо лица носить), а тому завидовала, что вот у неё, у кумы Фаины, есть внук Юрик, заботливый да ласковый. Приедет и обязательно первым делом её обнимет и в щёку поцелует. Бабка сама это видела, и не раз. А вот у неё, у бабки, внуков нет, и уже никогда их не будет. Она ещё в тот день, от кумы пришедши, долго плакала.

Но сейчас у неё есть Маша и бабка больше никому не завидует.

Кума Фаина поставила портрет на стол. Теперь они стали изучать уже лицо – искали изъяны. Не нашли, но решили единогласно: Егор не хуже! У них у обеих появилось чувство неприязни к портретному сопернику Егора.

– Надо спросить у Маши, кто он такой. Не будет же она скрывать? Если бы таилась, то и портрет бы прятала, – решила кума Фаина. Она всегда мыслила логично.

В школе был педсовет, и Маша пришла домой ближе к вечеру. За обедом бабка никак не могла отважиться спросить о портретном хлопце. Не вопрос задать боялась она, а ответ услышать. Вдруг жених Машин? А как же Егор? А как же, она, бабка?

После обеда Маша села за проверку тетрадей. Бабка никогда не отвлекала её во время работы, но, промаявшись полдня, снедаемая любопытством и ревностью, она нарушила ею же принятый закон и нарочито безразличным голосом спросила Машу:

– А кто это у тебя на портрете-то?

– Это? Это Сергей Есенин, – рассеянно ответила та, не отрываясь от работы.

Батюшки святы! Из Сибири – фамилия русская! Сначала бабка испугалась, но вспомнила, что в Заречье живут Устиновы. Фамилия-то тоже русская, а от Заречья до их Крюкова всего два километра. Может, и Сергей этот живет недалече. Портрет-то он в Минске делал.

– Где он теперь-то живёт? – спросила она и замерла в ожидании ответа.

– Умер он, бабушка.

Бабка покачала головой и тихо удалилась на свою половину. Надо же, такой молодой, такой красивый. Умер.

Неприязни к человеку на портрете бабка больше не испытывала.

Теперь она каждый день протирала портрет чистым рушником, ставила аккуратно на стол, крестилась и желала Сергею Есенину царствия небесного. А в её вечерних молитвах появилось ещё одно имя, имя упокоенного раба божьего Сергия.

Кем бы ни доводился он Маше, женихом или просто знакомым, пусть ему будет теперь царствие небесное.

Глава 17

Подготовившись к завтрашним урокам, Маша взяла в руки томик Якуба Колоса. Ей очень хотелось прочитать его знаменитые «Адзінокі курган» и «Сымон-музыка», но – увы! – сборник был на белорусском языке. Ничего, Маша ходит на уроки к Степану Григорьевичу и выучит этот язык. А пока ей Егор достанет Колоса, переведенного на русский. Он же принес и Змит-рока Бядулю, и Максима Танка в переводе. И переведенный Павло Тычина у неё уже есть.

Интересно, а Степан Григорьевич родственник поэту Бядуле или только однофамилец? У Людмилы Яковлевны тоже знаменитая фамилия – Тычина. Правда, это фамилия её мужа, сама Людмила Яковлевна, как и Маша, русская и тоже из Сибири, из Ханты-Мансийска. Никакого родства со знаменитым Павлом у них нет. Маша спрашивала. Жаль.

Время давно перевалило за полночь. Пора в кровать. И девушка, помечтав немного еще и о Косте, заснула.

Бабка подошла, вынула из её ослабевшего во сне кулачка маленький флакончик с духами, сунула под подушку, поправила одеяло и перекрестила спящую девушку.

Когда Маши не было дома, бабка, хоть и понимала, что стыдно трогать чужое, брала этот самый флакончик и подносила к лицу. Нет, она никогда не открывала его. Зачем? Он и закрытый пахнет. Так теперь после своего дня рождения всегда пахнет Маша. Бабке нравилось.

Ей, бабке, тоже дарили духи. На Первомай дали премию – отрез крепдешина и духи, название она забыла. Из крепдешина сватья Стеша, царствие ей небесное, сшила бабке кофту, а духи бабка отдала ей за работу – денег у колхозников не было.

Давно это было, еще до войны.

Война, война. Они её почти всю под немцем пробыли. Немец наступал – их бомбили, отступал немец – опять их бомбили. Она-то, бабка, уцелела, а вот дочку Машеньку не уберегла. Пятнадцать годочков всего и прожила, она, её Машенька.

Уже после войны пошли ребяташки и девчушки постарше в лес по грибы, набрали на неразорвавшийся снаряд. Лежал, окаянный, будто их поджидал. Рвануло так, что в селе в хатах стёкла, где они ещё уцелели после ранешних бомбёжек, повывлетали. Двенадцать детских душ погибло. Машенька с ними была.

У Кириллихи покойной, царствие ей небесное, сразу всех деток положило, всех четверых. Её потом два раза из петли вытаскивали. На третий раз не успели. Говорят, что самоубиенным грех желать царствия небесного, но Господь сам рассудит, грех она, бабка, сотворяет или не грех.

Не от добра же она, Кириллиха-то, в петлю голову засунула? За что ж её в ад-то? Она в нём, в аду-то, и на земле побывала.

Четыре похоронки в один день принесли ей. Фёдор, мужик её, два брата и деверь враз полегли. Полегли-то они не враз, это похоронки приносить стали только после того, как немца от нас прогнали. Ох, и выла же она, сердечная! Все волосы на себе повырывала, по земле каталась. Да он, Господь, и сам, поди, видел.

А через неделю и деток не стало. Не гуляющая она была, работающая.

Нет, Господь судит правильно. Вот и ей, бабке, Машу послал в утешение. Такую же светленькую, как та Машенька, снарядом убиенная.

Нельзя в ад Кириллихе, не по справедливости это. Пусть хоть на небеси она будет, справедливость-то, коль на земле её нет.

Не за себя она, бабка, просит, за Кириллиху. Пусть ей будет царствие небесное.

Лично для себя бабка не просила у Бога ничего. Никогда.

У неё, у бабки, мужик-то не погиб – без вести сгинул. Ей почтальонша про то прочитала в бумаге, что пришла на бабкино имя. Сама-то бабка неграмотная.

А может, и не сгинул вовсе. Вон Авдотья Жабичиха тоже такую бумагу получила, оплакивала своего Андрея, осталась с тремя сыновьями на руках. А он возьми да и объявись через двадцать годов. Не сам, конечно, письмо прислал. Живёт в каком-то американском штате (Авдотья говорила, в каком, да бабка запаматовала), домой после войны возвратиться не мог, потому что в немецком плену военнопленным был. Просит прощения у неё и у сынов. Очень хотел бы хоть перед смертью увидеть их всех.

Авдотья сначала кляла его, а потом простила.

Бабке кажется, что Авдотья даже поехала бы к нему повидаться. Да как?

Она, бабка, тоже бы простила своего Луку. Пусть бы жил. Хоть в Америке, хоть за Америкой, только бы жил. А то вот молится она и не знает, во здравие его поминать или за упокой?

Маша любила слушать рассказы бабки о войне, но не понимала, почему та, потерявшая мужа и дочку, совершенно не испытывает к немцам ненависти.

– Бабушка, они же враги, а вы рассказываете о них, как о людях?

Всегда ласковые, добрые бабкины глаза построжали.

– Они люди и есть, Маша. Такие же люди, как мы. Подневольные. Разве Генрих, который стоял в моей хате, хотел помирать на чужбинushке? У него ведь дома, в его Неметчине, семья была. Карточку мне показывал. Хозяйка там его, Фрау звать, Франя, по-нашему, знает. Тройка деток небольшеньких, один по имени Киндер, остальных не ведаю. И женщина в сурьёзных летах. Матка, сказывал. Он эту карточку положит перед собой и на губной гармонии играет. Тихо так играет. Печалится.

Он добрый был. Машеньке ботинки дал. Зима подошла, а она всё босиком. Ботинки те велики ей были. Он принёс одеяло, руками показывает, для чего одеяло-то, а мы и понять не можем. Он сел на лавку и одеяло на свой сапог намотал. Тогда только догадались, что для онуч оно, одеяло-то.

Поди, догадайся, чтоб такую дороговизну, байковое одеяло – да на онучи!

Детей печеньями угощал. Позовёт их «Киндер, Киндер, ком» – видно, своё дитё вспоминал, у которого имя такое – и раздаёт печенья-то. Галеты, по-ихнему. Потом придёт и на кровать ничком ляжет. Стыдно ему, что в чужое государство пришел и жизнь этим деткам порушил, может, даже батьку у кого из них убил.

Застрелили его прямо во дворе.

Война проклятая. Кому она нужна-то была?

А Фране его, думаешь, легко было на мужика-то похоронку пережить? Выла, чай, сердечная. Легко ли с тремя малыми на руках остаться?

Свекруха старая, тоже догляд потребен.

Ты думаешь, Фране Беларусь наша аль Расея нужна была?

Нет, ей нужно, чтоб хозяин её Генрих дома был, поле пахал, траву косил. Нужно, чтоб у её деток батька был. Как ей одной без мужика их поднимать?

Ведь Франя та немецкая такое же лихо перенесла, что и наша баба, похоронку получившая.

А матке Генриховой разве не горе? Взрастить-вскормить дитя, да чтоб оно на чужой земле голову сложило? Лёгко ли такую беду пережить?

Война, она для всех простых людей война.

А ты говоришь, враги.

Такие же люди, как и мы. Подневольные.

Слушая по телевизору новости, похожие на сводки с фронтов, или читая газеты, Мария частенько вспоминала бабку с её мудрой житейской философией.

Вот бы кого в президенты! Уж чего-чего, а войн бы точно не было. Не было бы вчерашнего Афгана. Не было бы сегодняшней Чечни, где гибнут чьи-то мужья, отцы и сыновья. Ведь там русские солдаты – тоже враги.

Гибнут и чеченцы. Тоже чьи-то мужья, отцы и сыновья. И те, и другие – подневольные люди. Кто поставил их друг против друга? Зачем?

В отличие от бабки, Мария знает, кому нужна война.

Ботинки те, Генрихом подаренные, бабка носила лет двадцать, потом «трошки разбогатела» и купила себе бурки. Те самые, в которые Костя обувал Машу. «Трошки разбогатеть» – немного улучшить своё материальное состояние. «Вельми» богатых Маша в округе не встречала. Не было их, «вельми» – то.

Всю свою жизнь бабка доила коров – сначала своих, потом колхозных, заработала кучу хронических заболеваний и двенадцать рублей пенсии. Но не роптала, даже считала, что теперь-то ей очень хорошо живётся. Маша ужасалась:

– Как же Вы, бабушка, раньше жили, если сейчас живёте «очень хорошо»?

Немного подумав, бабка ответила:

– Тоже хорошо, только голод был, война. А так – тоже хорошо.

За всю жизнь бабка износила одну-единственную приличную вещь – плюшевую жакетку. Берегла её и надевала только на свято, то есть, по большим праздникам. Потом жакетка обветшала, бабка стала ходить в ней и по будням. На свято ей племянница, мать Егора, подарила своё пальто, в которое сама, располневшая после рождения сына, перестала вмещаться.

Ещё у бабки была красивая тернянка – платок из тонкой шерсти с яркими цветами, тот самый, в котором теперь кума Фаина на портрете красуется.

А бабке больше ничего и не надо. Войны бы только не было.

Лежать надоело. Мария встала, включила компьютер. «Новости» сообщили о смерти беглого олигарха Березовского. Повесился.

Вот тоже, вроде, человек. Как и у бабки, у него две руки, две ноги. Но о бабке помнят все, кто её знал: Егор, Валентина, Мария. И пока живы, будут скорбить по ней и поминать её добрым словом. Кто же помянет добрым словом его, того олигарха? Те, кому перешли остатки его состояния? Вряд ли.

А скорбить наследники, конечно, будут – шутка ли, разбазарил миллиарды в судах с Абрамовичем! Земля тебе колом!

Сколько крови на тех миллиардах! Для чего они ему были нужны? Чтобы, в конце концов, засунуть в петлю голову.

Глава 18

Воскресенье заканчивалось. Общежитие постепенно заполнялось возвращающимися после выходных жильцами и шумом. Оно становилось похожим на муравейник. Включались магнитофоны, транзисторы и голосовые связи.

А Косте хотелось тишины.

Он знал, что сегодня в комнате будет один: Иван на больничном, Саня и Петро выходят завтра во вторую смену. Но за стенами их комнаты хлопали дверьми, чем-то гремели, громко смеялись, окликали друг друга из разных концов коридора. Тоже громко.

Раньше он не задумывался, нравится ему общее житие или нет? А ведь так, общим житием, он живет уже не первый год. Начал сразу после службы в Армии, нет, правильнее сказать во время её. Сегодня же его раздражает в этом «житии» всё.

Накинув куртку, вышел на улицу. Вечерело. Начиналась метель, но она не мешала влюблённым целоваться в затенённых местах. Им мешали редкие прохожие и он, Костя. Для них – тоже прохожий. Им мешали свидетели. Завидев их, парочки растворялись в сгущающихся сумерках. Целоваться в общественных местах – попирать моральные устои комсомола. Комсомольцами были все. Костя тоже. И Маша, конечно.

Нет, ну, надо же было опять вспомнить об этой Маше? Вот ведь заноза в мозгах!

Что было-то? А ничего. Выдумал Машу Костя, вот и всё.

Зачем он поехал на Октябрьские праздники? Зачем потащился в клуб? Зачем искал её, а потом сам себе врал, что совершенно случайно оказался за её спиной? На танцах, правда, держался, не подходил. Но потом, когда танцы кончались, он сломя голову полетел к ней, потому что объявили последнее танго. Домой надо было лететь сломя голову, а не туда, где она стояла. От неё бежать надо было, а не к ней!

И потом, с чего он взял, что может ей понравиться?

Дрожала её рука, когда танцевали? Так Маша, наверное, замёрзла. В клубе было прохладно. Хотя Косте-то в клубе, наоборот, было жарко. Ошибся, выходит?

В общем, так: ему было жарко, а ей – холодно. Девочка замёрзла.

Правда, Егор говорил, что она из Сибири.

Ну, и что? Знаем мы этих сибиряков! На югах замерзают. Костя сам читал в «Известиях» о несчастном случае: на Кавказе погибли от переохлаждения два человека из Красноярского края.

Что эти двое были альпинистами и их накрыло снежной лавиной, можно не вспоминать. В главном-то, он, Костя прав.

Кавказ – это юг? Юг. Красноярск – Сибирь? Да. Замёрзли сибиряки? Замёрзли.

Что ещё было-то у них с Машей, чтобы он о ней постоянно думал? Встреча у магазина, когда она летела с крыльца, звала мамочку и насмерть перепугалась, увидев вместо неё его, Костю?

Нет, здесь, пожалуй, зря он иронизирует. Она, действительно, очень испугалась. Шутка ли, с такой верхотуры упасть! А если бы его рядом не оказалось?

Костя представил, что могло быть, не окажись его тогда возле крыльца, и зябко повёл плечами. Сотрясение мозга получила бы она, не меньше.

И грустно произнёс вслух:

– Похоже, сотрясение мозга получил я.

О дне её рождения он старался даже и не вспоминать, от этого его голова совсем шальной делалась.

Костя вздохнул, бросил взгляд на часы и пошел в общежитие.

«Муравейник» затихал. Музыка уже не гремела, прекратилось хождение по коридору. Рабочий люд отходил ко сну. Но у Костя отойти туда никак не получалось. Лег на кровать, включил транзистор, нашёл нужную волну. Сейчас по «Маяку» начнётся его любимая передача «После полуночи». Он будет слушать хорошие песни, отвлечётся от невесёлых мыслей, и Маша уйдёт.

Но Маша упрямо не хотела уходить. Более того, затащила-таки его на свой день рождения, хотя он и сопротивлялся из последних сил!

Вот она стоит перед ним, сияет своими серыми глазищами, улыбается и говорит, что рада его, Костю, видеть. Этикет, конечно, соблюдала. Как же, рада! Да ещё очень! Именно ему рада! Он, Костя, хоть и технарь, но это понял сразу. Про этикет, конечно.

Вот она, наевшаяся хмельных ягод, смотрит на него недоумённо и не понимает, почему он запрещает их есть дальше.

Вот...

– Да кончится это когда-нибудь, в конце-то концов? – немо вопрошает Костя Машу.

А из транзистора неслась уже открытая угроза его свободе:

Я тебя давно опоила
Колдовскою травой.
Никуда не денешься,
Влюбишься и женишься,
Всё равно ты будешь мой!

Он накрыл голову подушкой – настырная Маша достала его и там. Голосом Валерия Ободзинского.

Ох, и свела судьба!
Ох, и свела судьба!
Ох, и свела судьба нас...
Только не подведи,
Только не подведи,
Только не отведи глаз!

Маша тоже любила передачу «После полуночи». Сейчас она слушала эту же песню и думала о Косте.

Глава 19

А между тем приближался Новый год, весёлый праздник, любимый и детворой, и взрослыми.

Ёлочку Маша увидела сразу, как только вошла во двор. Маленькая, пушистенькая, она напомнила ей далёкий сибирский городок, по которому девушка всё-таки очень скучала.

– Ну, здравствуй, лесная красавица! – Маша сняла перчатку и погладила колючую ветку. Закрыла глаза, вдохнула неповторимый запах хвои. Запах детства. Запах далёкой родины.

Бабка, видевшая из окна свернувшую к дому девушку, обеспокоилась её долгим отсутствием и, накинув на голову тёплый платок, вышла на улицу.

– Откуда это чудо? – спросила Маша.

– Егор где-то добыл. У нас-то ёлки не растут, сосну ставят на праздник, а он заладил одно: «Маше надо ёлку! Маше надо ёлку!»

Бабка так потешно передразнила Егора, что девушка звонко расхохоталась. Засмеялась и бабка.

Вечером Егор принёс ёлочные игрушки, установил ёлочку, но где её приобрёл, так и не сказал. Они вдвоём наряжали красавицу, а бабка, глядя на них, тихо радовалась и тайком их крестила.

Игрушки были старые, некоторые наполовину разбитые. Но всё равно ёлочка выглядела очень нарядной. Так же, как в Машином детстве, только там была не ёлочка, а ёлка, и наряжала она её не с Егором, а с мамой и бабой Нюрой.

Дома у них на Новый год всегда стояла ёлка. Большая, под потолок. Папа заносил её в дом, но сразу не устанавливал. Он говорил, что елка должна сначала познакомиться с их домом, с Машей и с мамой. С папой она уже в лесу познакомилась. Маша хотела потрогать елку, а та её уколола.

Потом папа устанавливал гостью из тайги на крестовину, и Маша с мамой её наряжали. Игрушек почти не было, но зато была большая и очень красивая звезда. Папа надевал её елке на самый верх. Баба Нюра приносила много блестящих бумажек, и они с мамой нарезали из них узенькие полоски. Почему-то мама и баба Нюра называли их дождиком, хотя полоски были сухими. Полоски тоже развешивали на ветках, еще на них набрасывали кусочки ваты.

Но главное – это гирлянды конфет в фантиках!

Конфеты в фантиках покупали Маше только с полочки. Редко. Обычно мама и папа приносили в бумажном кулёчке карамельки – подушечки с непонятным названием «дунькина

радость». Маша часто видела одну тётеньку с соседней улицы, которая всегда пела про какое-то горе и плакала, а взрослые говорили:

– Опять Дуньке радость – зарплату получила.

Маша понимает, что от радости поют, и те взрослые правильно говорили. Но она не понимает, почему тогда тетенька, если у неё радость, пела про горе и плакала? И почему вкусные подушечки называются её радостью?

Спросила у мамы, а мама вздохнула, погладила Машу по голове и сказала:

– Не дай бог никому такой Дунькиной радости!

Потом та тётенька умерла, потому что, оказывается, у неё совсем-совсем никого не было: ни мамы, ни папы.

Теперь Маша поняла, почему тётенька пела про горе и плакала. Это очень большое горе, когда нет ни мамы, ни папы.

Маша тоже бы плакала и даже, наверное, тоже бы умерла.

Грустно улыбнувшись своим воспоминаниям, Маша подумала о том, что все реже и реже стала вспоминать о своих родителях, вот даже на последнее письмо никак не соберется ответить. Надо завтра же им написать и отправить поздравительную телеграмму. Да и соседей поздравить надо: тётю Галю, бабу Нюру, деда Санчу.

Баба Нюра – первая Снегурочка из Машиного детства...

Дед Санча – первый Дед Мороз...

Глава 20

Колоритную фигуру являл собой этот дед Санча. Сын промыслового охотника, он с малых лет привык к лишениям таёжной жизни. Был немногословным – не любил пустоportunей болтовни, когда-то слыл первым парнем на деревне, хотя сам о том даже не догадывался. А чем не хорош-то был Ляксандра, сын Филимона Барвина? Высок, плечист, густые русые волосы, что твоя шапка. Глаза, будто небушком подаренные. Красавец!

А уж про силу его богатырскую так прямо легенды хаживали: и медведя-то он едва не голыми руками брал, и даже рысь боится с ним повстречаться. Но сам Александр решительно отвергал байки сии:

– Брехня всё это.

На девок внимания не обращал. Толку-то от них, от девок этих: на охоту не годны, только и умеют глаза закатывать, трещать без умолку, визжать да хохотать без всякой на то причины.

Но всё до поры до времени.

Возвращался как-то Александр из тайги и, чтобы спрямить дорогу, пошел через болото. Ему-то тропа ведома.

Но не ведома была эта тропа Нюрке Никишиной, приехавшей в их деревню из Зимы к своей тётке Лукьянихе, жившей по соседству с Барвиными. Пошла Нюрка клюкву собирать да и заплутала в болоте, чуть не утонула, едва выползла.

Так и предстала пред Александром будущая судьба его, сидящая на кочке, измазанная по самые уши болотной жижей и размышляющая о своих дальнейших действиях.

«Эва, угораздило же девку в самую Чертову пасть забресть! Не нашенска, однако. Нашенски-то знают это место, без проводника не сунутся», – подумал парень.

Неслышной поступью охотника он подошел к девушке, молча взял её на руки и так же молча прошагал по болоту с полкилометра. Выйдя на безопасное место, осторожно опустил свою ношу на землю и коротко бросил:

– Таперича сама за мной ступай. След в след.

Только вот не учёл Александр, что его-то след равен её двум и бедная девка опять завязнет в болоте.

Пришлось парню нести её до ближайшей опушки. Так же молча.

От опушки расходились в разные стороны три тропы. Не тратя лишних слов, Александр коротко объяснил их направления:

– Эта – на Балабаевку, эта – на Междуречье, а которая прямо – та в Хортагай.

Выбирай, мол, сама, куда топать.

Да и пошагал своей дорогой, подумав напоследок: «Таперича уже сама дойдёт, не заплутат. Болото позади.

А девка, однако, стояшша. Не вопила лихоматом. Не спужалась. Друга б на её месте потопла б, однако».

Тем бы встреча эта и закончилась, да дернул же его чёрт оглянуться! Девушка, припадая на одну ногу, шла той же тропой, что и Александр, только значительно от него отставая.

В деревню они вошли вместе.

Нюрка потеряла ведро, а Александр – покой. Так и стоит у него перед глазами эта девчонка в болотной жиже. Да и сама Нюрка стала чаще обычного навещать свою тётку, не забывая при этом попасться на глаза чудному охотнику.

Через год Александр справил себе хороший костюм и хромовые сапоги. Хотел купить ещё фетровую шляпу, но поразмыслив, решил, что она ему ни к чему, и приобрёл картуз с лакированным козырьком.

На шуточный вопрос отца, уж не жениться ли он надумал, Александр утвердительно кивнул головой, чем весьма озадачил своего родителя. Зная характер сына, не склонного к шуткам подобного рода, тот понял, что вопрос о женитьбе Александром решён окончательно и бесповоротно. Конечно, жениться ему пора. Двадцать пять годков минуло. Да и девка любая в их деревне пошла бы за него. Только вот, вроде, ни с кем сын-то и не хороводился.

– Кого сватать-то будем? – осторожно спросил отец.

– Её, – Александр кивнул в сторону Лукьянихиного двора.

– Лукьяниху? – отец от изумления раскрыл рот и едва не потерял дар речи.

– Да не Лукьяниху, – досадливо поморщился сын. – Племянницу ейную.

Отец перевел дух и спросил уже с опаской:

– А племянница-то знает про то, что ты на её жениться удумал, аль нет?

– Нет.

– А как не схочет она за тебя пойтить?

Теперь уже озадачился сам Александр. Он об этом как-то не подумал. Однако сватовства отменять не стал, потому что шесть первых подснежников, которые он тайком на Лукьянихино крыльцо положил, Нюрка приняла. Сам видел, как она те цветы в банке с водой на подоконник ставила и к лепесткам губами жалась.

А что в любви Александр ей не признавался да не объяснялся, так это всё пустое. Любовь не словами, а делами говорить надобно.

«Пойтить» за Александра Нюрка «схотела», но поставила условие: жить будут в Зиме. Счастливый Александр был согласен на всё.

И поселились молодые в Нюркином отчем доме, с её матерью. Хоть Санчина тёща и не подарок, да вот как-то притёрлись они друг к другу. Тёща-то и переименовала Александра

в Санчу, произносила нараспев (Сань-ча) и так мягко, что и на письме вопреки правилу орфографии без «ь», казалось, не обойтись. А с её лёгкой руки и все так стали его называть: Саньча. Он не возражал.

Конечно, всякое в семье бывало, но жили хорошо. Санча устроился на работу грузчиком в «Заготзерно». Нюра работала в райбольнице санитаркой. Держали хозяйство, выращивали картошку и прочие овощи. Один за другим появились два сына и дочка.

Война пощадила их семью. Санча, уйдя на фронт в сорок первом, вернулся в сорок пятом живым и почти невредимым. Только израненная осколками снаряда левая рука почти не сгибалась в локте и предсказывала непогоду точнее любого специального прибора. Он вернулся в ту же организацию, теперь уже сторожем.

Работа не тяжёлая, но муторная. Поймал однажды Санча воровку, а ею оказалась уборщица сплавной конторы.

С одной стороны, сообщить бы надо, в милицию её сдать. С другой стороны, жаль бабу-то: муж под Киевом пал смертью храбрых, трое сирот малолетних на её плечах, сама того и гляди от ветра подломится. Если заявить, то укутут её «за хищение социалистической собственности» куда Макар телят не гонял, сгинет, болезная, а деток по приютам раскидают. Вот жизнь-то окаянная! От отчаяния, видать, баба на такое-то решилась, знала же, на что шла.

Вздыхнул Санча, заставил положить украденное зерно на место и вывел её за ворота. Только и сказал:

– Ты, это, больш сюды не ходи. А то и тебя посодют, и меня... за подсобничество.

Так и проходила жизнь в трудах да заботах. Дети выросли и разлетелись по белу свету. Старший сын Иван на Дальнем Востоке остался после службы, там и семью завёл. Григорий строил Братскую ГЭС, теперь всё о каком-то БАМе пишет. Вот шальная душа, всё ищет романтики.

А младшенькая, Танча, замуж за литовца высланного вышла. Много их, литовцев-то этих, после войны в их район понагнали да по леспромхозам рассовали. Вроде, как враги народа они, предатели. Так говорили партийцы.

Только вот какой враг или предатель из их зятя Витаутаса, ежели тому и после войны только-только пятнадцать годочков исполнилось, этого никто понять не может: ни баба Нюра, ни дед Санча, ни их соседи.

А когда уж Сталин умер, то сняли с зятя клеймо это окаянное и разрешили домой вернуться. Уехал Витаутас и Танчу с собой увез.

Тестя с тещей тоже в Литву звал, да куда ж им с насиженного места срываться?

В гости дети приезжают, но редко. Письма, правда, пишут часто и карточки высылают, так что и на Балтийское море, и на Тихий океан, и на ГЭС эту Братскую дед Санча с бабой Нюрой вволю насмотрелись.

А вот внук у них только один. Сашка. Имя-то дедово ему дали! Иван так и написал, мол, в честь тебя, батя!

Оказанной ему честью Дед Санча чрезвычайно гордился, хоть это и скрывал от всех. Даже от бабы Нюры.

Вот и ладненько. Внук есть. Есть и внучка. Машенька соседская. Баба Нюра в ней души не чаёт, а уж как прикипел к ней дед Санча, про то никто не ведаёт. Немногословным был он, не любил пустопорожней болтовни.

Глава 21

Закончилась вторая четверть, и отошли школьные ёлки. Наконец-то, можно перевести дух. Ура! Каникулы! Почти две недели отдыха! Завтра Новый год!

Радостная Маша влетела в хату, закружилась под собственный аккомпанемент и с размаху зашвырнула саквояж в «чистую» половину.

– Угомонись, оглашенная, – проговорила бабка, слезая со своих полатей. – Не иначе, грамоту дали.

– Лучше, бабушка, лучше, – Маша чмокнула её в щёку. – Две недели отдыха! Ура! Бабка заткнула уши.

Но главной причиной такого настроения Маши была надежда на встречу с Костей. Она уже знает, что вся молодёжь, учащаяся и работающая, на Новый год обязательно приезжает домой, и в клубе – не протолкнуться. Приедет, Костя, обязательно приедет!

Клуб в Новогоднюю ночь, действительно, был битком набит молодежью. Всем было весело, кроме Маши. Если в начале вечера она была уверена, что Костя вот-вот появится, то к концу надежда исчезла окончательно. Костя не пришел. Когда же он придёт?

Общежитие опустело. Впереди два дня отдыха. Два Новогодних дня. Что с ними делать ему, Косте? Ну, можно, как в прошлом году, провести их у Валентины и Алика. Он даже пообещал, что придет.

Нет, как в прошлом году не получится – в прошлом году Маша была в Сибири.

Он подошёл к окну, понаблюдал за медленно кружащимися снежинками.

Да, год назад его сердце было свободным. Но появилась эта удивительная, непохожая на других, милая девочка и, не спрашивая разрешения хозяина, поселилась там, прописалась и хозяйничает в нём, будто в своём доме. Выходит, оно, Костино сердце, принадлежит ей?

А как теперь жить ему, Косте?

Он посмотрел на часы, на последний автобус должен успеть.

В трамвае было много свободных мест, и Костя, усевшись на одно из них, вдруг подумал: «Вот какое место – в трамвае, в кинотеатре, в их заводской столовой – называют свободным? Пустое, никем не занятое. Получается, что когда его сердце было свободным, значит, оно было пустым? Теперь там нет пустоты. Теперь там живёт Маша и он, Костя, её любит!»

Впервые в жизни Костя произнёс слово, которого так боялся. Пусть и не вслух, но произнёс! И ещё он понял, что если свободное можно назвать пустым, значит, и свобода – это пустота. Значит, то, чем он так дорожил и боялся потерять – это пустота?

Костя больше не хотел свободы.

На самый последний в уходящем году рейс он всё же опоздал и вернулся в общежитие.

К Валентине и Алику не пошел, потому что с таким настроением в гости не ходят, да ещё в праздник. Вот такого Нового года у него ещё не было.

А утром с первым трамваем, где Костя был едва ли не единственным пассажиром, приехал на автовокзал к первому рейсу автобуса. На сей раз он не опоздал.

Как удалось этой девочке то, чего не удавалось другим, опытным и прожженным? Может, потому и не удавалось, что они были такими. Но ведь были и другие, такие же светлые и чистые, как Маша. Почему им-то не удалось? Наверное, не судьба.

От райцентра Костя шел пешком, на попутки рассчитывать в первый день Нового года не приходилось. Он шёл быстро, он почти бежал. Если Маша забрала его сердце, тогда пусть забирает и его самого. Без сердца человек не может жить, без сердца человек умирает! Он должен ей всё это сказать! Он должен её увидеть!

Костя отворил калитку и вошел во двор.

Он обязательно должен её увидеть!

Маша, в тёплом бабкином платке, в старом потёртом, тоже бабкином, жакете, обутая в стёганые бурки с бахилами, явно не её размера, набирала из колодца воду. Он подошел к ней. Ведро, увлекая за собой цепь, с грохотом полетело обратно в колодец.

– Костя, – выдохнула Маша и уткнулась лицом в его мягкую замшевую куртку, источавшую еле уловимый запах «Шипра».

Он не сказал ей того, что хотел сказать, он позабыл слова, которые приготовил. Костя, вообще, позабыл все слова, кроме одного... Маша. Ему простительно, он технарь. Но и в словарном запасе преподавателя русского языка тоже нашлось лишь одно-единственное... Костя.

Слова им были уже не нужны.

Неужели это была она? Неужели всё это было с ней?

Мария тяжело вздохнула.

Нет, это была Маша. Наивная, чистая, светлая.

А она, Мария, одинокая, больная и никому не нужная старуха, только идет по лабиринту Машиной жизни, который стал теперь лабиринтом её памяти.

Конец первой части

Часть вторая

Мария ханжой не была, но принцип «секс не повод для знакомства», по которому живёт сейчас большая часть молодых людей, даже она воспринимала как животный инстинкт обезьян и считала его полнейшим абсурдом.

Конечно, и их поколение не было безгрешным, но всё то, что для них было исключением, стало нормой для поколения, пришедшего им на смену.

Хотя, может, и не стоит Марии так безапелляционно выносить приговор всему поколению. Не вся же молодежь – развратники, подлецы и подонки. Знает же она и крепкие семьи, и дружить по-настоящему сегодня тоже умеют. Может, она вступила в извечный конфликт между «отцами» и «детьми»? Ведь многое осуждалось и «отцами» семидесятых. Мини-юбки, короткие стрижки.

Однако вчерашняя мини-юбка и сегодняшний разврат – это как-то неэквивалентно. Что происходит?

Подкупленные материнским капиталом, спившиеся женщины, молодые и не очень, бросились наперегонки рожать детей. Одного за другим. Кто от мужа рождает, кто от кого попало. У некоторых беременность перешла уже в хроническую стадию. Полученные сертификаты выставляются на торги. Кто больше? Ну, прямо бэби-бизнес какой-то, бэби-бумом порожденный. Целыми семьями живут на детские пособия и биржевые деньги.

Но на что им жить-то больше? Безработица. Да и не всем, кто спиваются, пить хочется. Кто-то спивается и от безысходности. Может, здесь корни разврата?

Не понимает Мария сегодняшней жизни и, наверное, уже не поймет. Чувствует она: мало времени ей осталось, успеть бы прошлую жизнь вспомнить.

Глава 1

В детстве у Кости душа была распахнута настежь, он ни от кого не скрывал того, что в ней находится. Но став взрослым, запер её на замок, ключи от которого доверил только своим самым близким друзьям, Валентине и Алику. Те ключами не пользовались, в душу не лезли: надо будет – Костя сам откроет её.

Друзья есть друзья, они не могли не заметить, что с ним происходит что-то непонятное. Появилась какая-то отрешённость во взгляде. Вот он, вроде, рядом, а находится, на самом, деле, где-то очень далеко. В чём причина?

Девушка? Так они у него были, есть и будут. С некоторыми из них Костя их даже знакомил.

Может, возникли проблемы со здоровьем? Да нет, делать из этого тайны он уж точно не стал бы. На работе тоже всё в порядке.

С расспросами к Косте ни Валентина, ни Алик не приставали: придёт время – сам расскажет.

Но время шло, а он молчал. Что же с ним происходит?

Когда же Костя не пришёл к ним на встречу Нового года, хотя и обещал, а внезапно сорвался в село, куда совсем не собирался ехать, Валентина решила: пора получить ответ на все вопросы. Костино невразумительное объяснение по этому поводу её не устраивало. Позвонил с автовокзала с телефона-автомата, поздравил с праздником, что-то пытался растолковать,

запутался и повесил трубку. Хорошо, хоть позвонить догадался, а то гадали бы тут, не случилось ли чего. Ждали ведь.

Но вопросы задавать не пришлось.

Ответ на них Валентина сразу же увидела в сумасшедших от счастья Костиных глазах.

– Маша? – не то спросила, не то утвердила Валентина.

Он кивнул. Они понимали друг друга без лишних слов.

Алик, присутствовавший при этом, шутливо пропел:

– Наш Костя, кажется, влюбился...

Валентина развернула его в сторону кухни и шутливо шлёпнула по задку:

– Давай шагай, Марк Бернес ты мой безголосый.

Голос у него был, да ещё какой! Если даёт разгон мастеру, всему цеху слышно! Алик хотел опровергнуть явную неправду, но передумал. Оспорь отсутствие голоса – скажет, что у него нет слуха.

Слуха у него, действительно, не было.

Они сидели на кухне и пили чай с остатками новогоднего торта. Алик покачал головой и участливо спросил:

– И как это тебя, парень, угораздило?

– Потом, глядя с укором на жену, добавил:

– Ох, уж эти хрупкие женщины! Такие дубы под корень без топора валят! – и ударил себя в грудь кулаком.

Все рассмеялись. Валентина, вытирая выступившие от смеха слёзы, махнула рукой:

– Да тебя и валить не надо было, сам упал.

– Что было, то было, – не стал отрицать Алик, – упал, ушибся головой, пришёл в сознание уже женатым.

Повернулся к Косте и с озабоченным видом врача-психиатра поинтересовался, под корень того срубили или ещё есть надежда?

Тот только рукой махнул.

– Безнадёжен, – констатировали в один голос супруги.

А Костя никак не решался обратиться к Алику с просьбой – он никогда не использовал их дружбу в личных целях: друг Алик – это одно, инженер Альберт Леонидович – это совсем другое. Но здесь...

– Алик, помоги мне, – после долгих колебаний с трудом выдавил из себя Костя, не зная, как приступить к главному.

– Машу что ль сосватать? Так это мы мигом. Валюша, где мой парадно-проходной костюм?

– На проходной, где же ему ещё быть, – она пошутила, но как-то серьёзно и показала ему глазами на Костю. Тот вертел в пальцах десертную ложку и, казалось, был целиком поглощён этим занятием.

Алик понял, что шутки сейчас неуместны и Костя пришёл не просто так.

– Ну, давай говори, какая помощь нужна?

– Понимаешь, я хочу перед выходным отработать две смены, чтобы съездить в село не на один день, а на два. С ребятами я договорюсь, они согласятся.

Кто бы сомневался!

Алик понял, о какой помощи сейчас пойдёт речь: инженер должен дать добро на двойную смену, если его не дал мастер. А мастер не дал, иначе этого разговора бы не было.

– Нет, Костя, – твёрдо сказал Алик. – Существует техника безопасности, да и Закон об охране труда никто пока не отменял.

Костя понимал, что Алик прав, но как же ему хотелось побыть с Машей хоть чуточку подольше!

Что Алик прав, понимала и Валентина, чем помочь Косте, она не знала. У Кости есть отгулы, но случился форс-мажор, и их перенесли на февраль. Заменить сейчас Костю некем. Предлагал же ему перед Новым годом Алик их взять.

Повисло молчание. Положив десертную ложечку на стол, Костя встал, поблагодарил за чай и хотел уже попрощаться, но Алик жестом остановил его и показал на стул. Костя сел.

– Маша – это та девушка, о которой ты говорила? – обратился Алик к жене.

Получив утвердительный ответ, он задал второй вопрос:

– Она учительница и работает в школе?

Валентина опять кивнула, но ничего не поняла. Ясно, что просьба Кости связана с Машей. Но при чём здесь школа, если речь идет о заводе?

– У Маши каникулы? Так?

– Да, – опередив Валентину, ответил Костя, тоже не понимая, к чему клонит Алик. Ну, давай же, Алик, ну, говори же скорее, что у тебя там?!

– Есть гениальная идея! – Алик долго наливал в свою чашку чай, потом так же долго размешивал сахар.

В глазах у Кости засветилась надежда, но что же Алик так медлит?! Захотелось схватить вторую ложечку и помочь сахару быстрее раствориться!

– Не томи, гений ты мой непризнанный, давай свою идею, – не выдержала жена и забрала у Алика чашку.

Как и всё гениальное, «гениальная идея» была проста: до конца каникул Маша погостит у них, её можно поселить в Леркиной комнате, а Лерка на это время переберётся на диван в комнату родителей. После смены Костя будет приезжать к ним, любоваться своей ненаглядной Машей, а утром вместе с Аликом уезжать на работу – общежитие было далеко, пока доберётся и отдохнуть будет некогда.

Инженеру Альберту Леонидовичу не нужны подчиненные, засыпающие у станка. Он следит, чтобы правила техники безопасности соблюдались неукоснительно.

Косте они поставят в прихожей раскладушку. А там видно будет. Кстати, Маша и за Леркой присмотрит. (Все-таки не обошлось без меркантильного интереса.)

– И впрямь гениально! – восхитилась планом мужа Валентина и чмокнула его в нос.

– Ещё бы! – гордо вздёрнул его Алик. – А то тут некоторые... «непризнанный, «непризнанный».

– Беру свои слова обратно, – она покаянно опустила голову.

Он был великодушным и её простил.

Тут же вытащили раскладушку и примерили к тесноватой прихожей.

– Нормально, – дал заключение Алик, посмотрел на часы и решил, что Косте поздно возвращаться в общежитие, пусть ночует у них, тем более что и раскладушка находится в рабочем состоянии.

Уже собираясь ложиться спать, он, стоя в проёме дверей зала, ехидно пропел-промурлыкал:

– На свадьбу грузчики надели со страшным скрипом башмаки...

Валентина схватила мужа за шкуру и втащила в зал.

Костя собирался в ближайший выходной ехать за Машей, но Валентина решила сама привезти девушку и объяснила, почему.

Во-первых, с Костей к ним Маша может и не поехать – пригласить должна хозяйка.

Во-вторых, нельзя забывать о Машиной репутации. Не хочет же Костя чтобы имя его любимой девушки трепали злые языки, мол, полетела за хлопцем, только пальцем поманил? (Этого Костя не хотел.) Маша не Валентина, она за себя постоять не сможет. (С этим Костя был согласен.)

Да и неизвестно ещё, как у них сложатся отношения, и что будет дальше: женится ли он на ней или бросит её. (Услышав такое чудовищное предположение, Костя от негодования чуть не задохнулся!)

Может и она его бросить. (Костя испугался.) Если они расстанутся, поползут грязные слухи. Как Маше потом отрабатывать положенное время в селе, где на неё станут показывать пальцем? Ведь всегда осуждают бедных девушек, а не их жеребьячье племя!

При её последних словах Алик проржал «и-го-го!», попытался лягнуть жену, подпрыгнув при этом почему-то козлом, и заперся от разозлившейся Валентины в туалете.

Аргументы были убедительны уже даже тем, что Валентина может поехать на целый день раньше, чем Костя.

На следующий день Валентина взяла на работе отгул и привезла Машу в Гомель.

Глава 2

Управившись с утренними делами, бабка, кряхтя и охая, залезла на печку. До обеда она может погреть свои ноющие суставы. Маша гостит у Валентины. Ну, и правильно, а то, как Костя уехал, так и занудилась она что-то. Виду не кажется, да бабку-то не проведешь. То по двору бродит без всякой на то потребности. То у окна стоит, на сад смотрит. А на что там зимой смотреть-то? Вот весна придёт, тогда пусть и любитесь

Только-только пережили бабка с Машей комиссию окаянную, как Костя ворвался в их жизнь. Нежданно-негаданно.

Нет, бабка не против того, чтоб Машу замуж выдать за него. А как не возьмёт? Вроде, и не должен Костя худого сделать, да думки-то всякие на ум лезут.

Бабка вспомнила тот первый день советского Нового года.

Пошла тогда Маша по воду до колодца. Нет её и нет. Бабка подумала, может, ведро отцепилось от «собачки», такое бывает. Сосед Федот потом своей «кошкой» достаёт ей ведра утопленные. Вышла бабка в сенцы и увидела в крошечном оконце, как в рамке под карточки, Костю и Машу. Постояла, ещё раз на них глянула. Потом зашла в хату, перекрестилась на образа, вздохнула и стала собирать на стол – праздник ведь, хоть и советский. После того, как стол был готов, бабка позвала Костю и Машу в хату.

Все праздники она делила на советские и Боговы. Богов Новый год четырнадцатого января будет.

Конечно, лучше бы Егор. Но Костя тоже добрый хлопец: не гультай, на заводе работает, скоро диплом, такой же, как у Егора, получит. Маше он по душе, бабка заметила. Да и роду Костя хорошего.

Бабка вспомнила дядьку Панаса, прадеда Кости.

Крепкое хозяйство держал он, дядька Панас. Только дойных коров было одиннадцать, а сколько бычков и нетелей! Лошади были. Как без них при таком-то хозяйстве? Работали от зари до темна. От снега до снега продыху не знали. Семейка у них была не малая. Все работали, от мала до велика.

Отдыхали зимой. Всей работы-то было, что скотину обиходить. Девки пряли лён, ткали на кроснах полотно, а потом выбеливали его на морозе. Ни у кого не получалось полотно таким тонким, как у них. На ярмарке сразу его покупали. Пять девок было у дядьки Панаса и трое сынов. Средний, Кузьма, её, бабку, с вечерок провожал. Три раза. Да не захотел дядька Панас к ним сватов заслать – они-то победнее его были. Потом бабку за Луку просватали.

А Кузьма оченно по душе бабке был. Сдается, Костя на него схож, хоть и идёт от ветки Демьяна, старшего сына. Они-то, сыны дядьки Панаса, все были промеж собой ликом схожи. Особенно глазами. У всех глаза были, как вода в копанке, где девки да бабы бельё полощут.

То ли припомнился, то ли привиделся бабке тот давнишний зимний вечер. Она, молодая, нарядная, в новых аккуратных лапоточках, в новых онучах, в кацавейке и в красивой цветастой тернянке. Он, Кузьма, высокий, она ему по плечо, в овечьем полушубке, в хромовых сапогах. Стоят они у ворот её хаты. Она сбивает снег с лаптей, он переминается с ноги на ногу, а потом и говорит:

– Слышь, коли я батьку уговорю сватов до тебя заслать, пойдешь за меня?

Говорит Кузьма это вот, а сам об кажинное слово запинается.

Она тогда рукой лицо закрыла и ну до хаты бежать. А самой так хорошо стало, дух захватывало, и сердце колотилось. Потом уже никогда такого не было.

Выдали её, бабку, за Луку. С Лукой они хорошо жили, грех Бога неправдой гневить. Он работающий был и добрый, её бабку, не обижал, жалел. Бабка тоже Луку жалела и уважала, заботилась, чтоб голодным не был, чтоб рубахи чистыми были.

Всех забрали на войну: Демьяна, Кузьму, их младшего брата Омельяна, Луку бабкиного. Забрали и сына Демьянового, Илью. Из всех он один и возвернулся. Да не один, а с молодницей и с хлопчиком малым, с тем самым Костиком, который её Машу приглядел.

Когда немца по Польше гнали, Илья полюбился с паненкой одной. Она была какого-то шляхтецкого роду, из бар, значит. Ну, а когда назад вертался, у неё уже хлопчик родился. Ох, и лютовал пан, батька её, не разрешал им с Ильей жениться! Но паненка уперлась, пойду за него и всё тут. Тогда пан потребовал, чтоб Илья в Польше остался, на его панстве, на хозяйстве, значит. А Илья панствовать не схотел. Делать нечего, «благословил» их пан-батька. Знать, сказал, вас больше не хочу, пся крэв!

Крепко осуждала бабка польского деда Кости за то, что внука родства лишил – одна кровь-то, поди. Вздыхала: «Баре они и есть баре, не понять их простому человеку».

А паненка та, Эва, ничего, прижилась, Евой стала. Хоть и из бар, а на ферме до сих пор работает учетчицей, грамоту знает. Костю подняла. Сам-то Илья от ран, что с войны принес, помер вскоре. Только пять годков и прожили они вместе, Илья и Ева. Находился потом один хороший человек, сватался – не пошла. А боле и идти-то было не за кого. Где они, мужики-то, были? Всех их война выкосила. Так и вдовствовала Ева с двадцати пяти годочков.

Прижиться-то, вроде, и прижилась, да по Польше, видать, очень скучала. Соседи говорили, выйдет вечером в сад, сядет под старую грушу лицом туда, куда солнце садится, поет по-своему, по-польскому, значит. Тихонько так поет, жалостливо, протяжно. И слезы вытирает. Родная земля, она и есть родная. А чужбина чужбиной и останется, хоть век на ней прораюй. Кулику, и тому своё болото дорого.

Нет, хорошего роду Костя, хорошего. И с батьковой стороны, и по материнской линии.

Польского деда бабка в расчет не брала – пан сам от родства отказался.

Глава 3

При первой встрече Алику Маша не понравилась. Растение какое-то, не видевшее солнца, подумал он. Видно, в Сибири в теплицах не только огурцы-помидоры выращивают. Ну, совсем не пара она Косте. Худая, бледная, маленькая. Вон Лена у него, у Кости, была. Какая красавица! Эх, от такой девахы отказался!

А это что? Одно сплошное недоразумение. Ну, не дурак ли у него, у Алика, друг? Да, зла любовь! Ох, зла!

Алик был очень разочарован в выборе Кости, сетовал на его дурной вкус и давал первоначально его избраннице самую нелестную оценку.

Но на следующий день Маша к ужину испекла сибирские тарочки и показала, как готовится на её родине настоящий купеческий чай с молоком. Выпив чашку приготовленного ею напитка, Алик блаженно зажмурился и, не найдя слов для похвалы, поднял вверх большой палец. Выпив ещё одну чашку такого же, но теперь уже самостоятельно приготовленного, он признал, что прежний их был пойлом, заявил, что отныне и во веки веков будет пить только купеческий, и начал сомневаться в правильности своей первоначальной оценки.

А когда же Маша научила его делать настоящие сибирские пельмени, когда он увидел, как быстро и ловко она управляет с готовкой, Алик решительно и бесповоротно поменял все минусы на плюсы.

Худая? Родит – поправится. Валентина вон тоже такая же была, пока Лерка не появилась.

Бледная? Зима сейчас. Летом загорит и будет нормальной. Да и потом вовсе она не бледная, просто беленькая. В конце концов, не в мулатку же Корри – училась такая девушка с Валентиной в университете – должен был Костя влюбиться?

Маленькая? Ну, чуть-чуть ниже Валентины, разницу даже и не заметишь.

Валентина для Алика была эталоном красоты.

Днем Костя был на работе, и восьмилетняя Лерка, девочка очень серьезная и самостоятельная, познакомила Машу с городом. Были в планетарии, бродили по зимнему парку. В парке Лерка показала гостю небольшое озеро. Вода в нем была чистая, прозрачная, как на Байкале. Прямо на воде стоял маленький домик. Девочка пояснила, что в этом домике живёт пара черных лебедей. Но лебедей Маше увидеть не удалось, на само озеро они не выплыли, в домике спали, наверное. А так хотелось их увидеть!

Съездили и в университет, где училась Валентина.

Выйдя из трамвая, остановившегося прямо напротив огромного серого здания, Маша сразу обратила внимание на приторно-сладковатый запах. Всезнающая Лерка объяснила, что неподалёку от университета находится кондитерская фабрика «Спартак», поэтому здесь всегда пахнет конфетами. Поднялись к дверям учебного заведения, и Маша прочитала вслух: Гомельські дзяржауны універсітэт». Ох, и распотешилась же Лерка техникой её чтения, а еще больше – произношением.

Потом они пили компот с булочками в рабочей столовой трикотажной фабрики «Восьмого марта». (Столовая находилась совсем рядом с вузом, и студенты частенько её посещали, так как здесь можно было всего за двадцать пять копеек получить полноценный обед.)

Ближе к вечеру возвращались домой и готовили ужин.

Маша не скучала. Лерка была очень общительным ребенком, они быстро нашли общий язык. А с Валентиной его и искать не надо было, потому что двум филологиням всегда найдется и что обсудить, и о чем поспорить.

Общий язык был найден и с Аликом.

За ужином он увлеченно объяснял Маше то принцип работы гидравлического насоса, то устройство первого парового двигателя и чертил какие-то схемы на салфетках, А когда Валентина их у него отобрала, попытался графически показать работу коленвала прямо на новых обоях, за что и получил от жены два подзатыльника и один хороший совет: оставить в покое насос, паровой двигатель, коленвал и бедную Машу хотя бы до завтра.

Алик обиделся, но к совету прислушался.

Более того, на завтра они с Машей сменили тему и теперь до хрипоты спорили, кто более полезен, физики или лирики?

Хоть и хрипел один Алик, а Маша большей частью молчала, он считал, что чрезвычайно трудно найти лучшего собеседника, который бы так здорово разбирался в технических и в философских вопросах.

Среди женщин, конечно.

Не считая, разумеется, Валентины. Валентина, вообще, во всем вне всякой конкуренции.

Только вот на втором году их супружеской жизни она почему-то перестала отличать карбюратор от радиатора. Что с ней случилось? А ведь раньше самые сложные узлы и механизмы на лету схватывала, даже два раза объяснять не приходилось, сразу кивала головой – и так всё, мол, ясно! Как Маша сейчас.

Правда, Валентину понять можно. Лерка родилась, хлопот полон рот. У Маши Лерки пока еще нет, она ещё интересуется тем, что интересно Алику и Косте.

Ладно, пусть Маша не расстраивается, про коленвал ей потом Костя всё объяснит. Только ему подсказать надо, а то и на этот раз холостым останется. Не умеет он с девушками общаться, не знает их интересов. У Алика-то в Костины годы Лерка уже детские стихи читала и даже схемы чертила на Валентининых планах. Непонятные, правда.

Он долго не мог заснуть. Вспоминал, как когда-то прибежал к своей любимой Валечке, чтобы порадовать её новинками из журнала «Наука и техника» и послушать стихи Эдуарда Асадова. Какие хорошие статьи они с Валечкой читали!

Стихи, кстати, были тоже ничего.

Наверное, в жизни и лирики нужны, подумал Алик: ему – Валентина, Косте – Маша и всем им – Эдуард Асадов.

Когда после ужина зевающая Валентина угоняла спать сопротивляющегося Алика, Маша и Костя оставались одни. Нет, не одни. С ними была их первая любовь!

Теперь они не сдерживали своих чувств, их любовь и сама вырывалась на волю, словно железную решётку условностей. Любовь поднимала их высоко к небесам; они, взявшись за руки, невесомые, парили в воздухе! Захватывало дух от полёта! Исчезала земля и всё сущее на ней! Переставало существовать время! Не было ничего и никого, только он и она! Он и она кричали друг другу «я люблю тебя!»

Во всей Вселенной для него – только она!

Во всей Вселенной для неё – только он!

Хотя, на самом деле, он и она сидели на кухне, слушали магнитофонные записи и о чем-то разговаривали. Костя гладил её руки, перебирал тонкие пальцы, прикладывал их к своей щеке и губам. Самое большое, что он мог тогда

себе позволить, это обнять Машу за плечи, поцеловать, прижать к себе, зарыться лицом в её пышные волосы и вдыхать аромат земляники. Маша мыла голову мылом с таким названием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.